

ВТОРОЙ ПЕРИОД

1942 год: принятие основных стратегических решений и политика сдерживания Германии (Северная Африка и Сталинград)

Определение основного стратегического курса: Европа или Тихий океан?

Выбор стратегического направления сказался не только на непосредственных участниках военных действий. Он, в частности, оказал влияние на Соединенные Штаты, которые посчитали, что при решении этого вопроса должны приниматься в расчет нижеследующие условия. Все члены коалиции участвуют в одной войне, и не может быть никаких сепаратных соглашений ни при каких условиях; решения о военных операциях должны приниматься с учетом конкретной территории, а не с учетом политических мотивов: война будет считаться законченной только при безоговорочной капитуляции врага.

Однако не следовало слишком оттягивать решение политических вопросов на том основании, что идет война; это могло негативно сказаться на окончательных результатах после ее победного завершения. Шла война, и в атмосфере всеобщей подозрительности внутри коалиции открылось широкое поле деятельности для всевозможных махинаций. У каждого члена коалиции появлялся соблазн, используя военную стратегию, преследовать собственные политические цели. И каждый, об этом речь пойдет ниже, в какой-то мере именно так и поступал. Советский Союз в Европе, захватывая все большие территории; Великобритания в Средиземноморье, защищая себя; Соединенные Штаты в Тихом океане, пребывая в нерешительности.

Американская стратегия в основном отражала политические цели. Совершенно очевидно, что все усилия со стороны Америки должны были быть направлены прежде всего на разгром Оси в Европе.

Впоследствии военные историки тщательно изучили принятое в то время решение; мы же сейчас отметим только важнейшие этапы и характерные особенности. Основная стратегия была выработана тогда, когда американское правительство все еще мыслило категориями «молниеносной войны». Принцип управления был изложен в докладной записке начальника штаба ВМС адмирала Старка от 12 ноября 1940 года. Старк рекомендовал, после обеспечения защиты Соединенных Штатов и Западного полушария, «перейти в наступление в Атлантике, поскольку Британия является нашим союзником, и занять оборонительное положение в Тихом океане». Все последующие совместные с британцами штабные совещания проходили под этой эгидой, как и проходившее в Вашингтоне в период с 29 января по 29 марта 1941 года совещание, на котором был выработан совместный план действий, получивший название «АВС-1».

Американские военные планы были приведены в соответствие с «АВС-1». Как отмечалось в совместном докладе генерала Маршалла и адмирала Старка, направленном 5 ноября 1941 года президенту Рузвельту, Китай обращался к Америке с просьбами о предоставлении военной помощи и располагал сведениями о возможном втягивании нас в войну. В докладе говорилось: «Начальник штаба ВМС и начальник штаба армии в соответствии с изложенным пришли к общему заключению. На совещании Объединенного американско-британского штаба были достигнуты соглашения по основным направлениям военной политики и стратегии. Разгром Германии является основной задачей наших государств. Она не будет считаться выполненной, если Япония будет разбита, а Германия останется непобежденной. В любом случае наступательные действия против Японии не должны предприниматься до тех пор, пока Германия, наиболее опасный враг, не пошатнется от наших совместных действий в Атлантике». Потеря большей части нашего Тихоокеанского флота и молниеносная высадка японского десанта в Юго-Восточной Азии расстроили наши заранее подготовленные планы. Требовалось по-

новому взглянуть на основополагающие принципы. Через две недели после нападения на Пёрл-Харбор, направляясь в Вашингтон для участия в конференции, получившей название «Аркадия», Черчилль и его советники были крайне обеспокоены тем обстоятельством, что мы, принципиально изменив стратегический курс, направили основную часть боевых ресурсов на Тихий океан. Черчилль боялся, что американский народ не в состоянии оценить «в целом соотношение сил в войне». Позже Черчилль писал: «Мы понимали, какой серьезной опасностью может обернуться для нас решение Соединенных Штатов развернуть войну против Японии в Тихом океане, оставив нас воевать с Германией и Италией в Европе, Африке и на Ближнем Востоке».

Россия тоже по вполне понятной причине могла изменить стратегию войны в Европе и на Дальнем Востоке. Мы пытались объяснить советскому правительству, что японцы слишком рассредоточили свои силы, особенно в южном направлении, и, если Россия, Соединенные Штаты, Великобритания и Китай, скоординировав свои действия, выступят единым фронтом, Японию удастся разгромить. В ответ прозвучал отказ. Кроме того, американские начальники штабов были озабочены возможностью захвата Японией советского Приморья. Это тоже было одной из причин для переброски основных сил в Тихий океан, в то время как советское правительство настаивало на создании второго фронта в Европе.

Комитет начальников штабов Соединенных Штатов принял решение оставить в силе одобренную совместную стратегию, хотя и с некоторыми оговорками. Аргументированная оценка результатов, достигнутых на первом большом военном совещании США и Великобритании, хорошо изложена в документе от 10 января 1942 года, который Черчилль адресовал начальникам штаба и военного кабинета Британии.

«Мы сошлись во мнении, что поражение Германии неминуемо повлечет за собой разгром Японии, в то время как разгром Японии не обязательно приведет к окончанию мировой войны. Более того, учитывая безбрежные пространства Тихого океана и уже захваченные японцами тактически важные позиции, вероятное нападение Японии представляется крайне опасным и весьма продолжительным. Постепенная переброска армий, базирующихся главным образом в Австралии, Индии и в Юго-Западном Тихоокеанском бассейне, окажется столь же продолжительной...

Следовательно, в первую очередь надо начать войну с Германией, и было бы ошибочным упоминать о нашей „оборонительной позиции“ в отношении Японии. Как раз наоборот, еще до разгрома Германии нам следует перехватить инициативу на Дальнем Востоке».

В официальном соглашении от 12 января 1942 года американские и британские начальники штабов, рассмотрев два основных театра военных действий, постановили, что «только минимальное количество сил может быть задействовано для поддержания жизненно важных интересов на других театрах войны; основные силы должны быть направлены против Германии». «Больше всех для принятия этого кардинального решения сделал генерал Маршалл», – заметил Черчилль.

В качестве особого условия оговаривалось, что нельзя допустить вражеского вторжения на Гавайи, Аляску, Сингапур, Филиппины, в Ост-Индию, Рангун, Китай и Приморье. Вопрос необходимого количества сил для решения этих задач должен был быть улажен несколько позже. Рузвельт пообещал Черчиллю при необходимости направить пятьдесят тысяч американских солдат в Австралию и дополнительно двадцать пять тысяч для захвата Новой Каледонии и других мест на промежутке между Соединенными Штатами и Австралией.

Но все эти январские решения, как оказалось, были лишены всякого смысла. Нападения на голландскую Ост-Индию, Малаю, на базы в Сингапуре, на Филиппинах и в Рангуне (главный порт Бирмы) требовали постоянного притока американских сил в юго-

западный район Тихого океана. В первую очередь была задета гордость военно-морского флота, и новый главнокомандующий ВМС, адмирал Кинг, не будучи причастен к разработке первых стратегических планов, требовал принятия чрезвычайных мер. Ранее адмирал Старк активно придерживался той точки зрения, что предпочтение должно быть отдано Атлантике и что ВМС должны играть второстепенную роль в материковой войне в Европе. Адмирал Кинг был категорически не согласен с этой политикой. Его назначили на должность главнокомандующего флота Соединенных Штатов (новый титул) благодаря его настойчивости и наличию собственного мнения, что круто изменило стратегический курс США. После «Аркадии» был взят курс на Тихий океан.

Удалось добиться рационального использования не только военно-морских сил, но и сухопутных и военно-воздушных сил для защиты союзнических территорий в Тихом океане и следом захватить базы, с которых было бы возможно наносить ответные удары по японцам. Активные просьбы со стороны союзников повлияли на размещение наших военных ресурсов. На протяжении первых двух с половиной месяцев 1942 года Америка отправила сто тридцать две тысячи солдат, из которых двадцать тысяч были посланы в Исландию и Северную Ирландию, в соответствии с ранее принятыми решениями, а около девяноста тысяч человек размещены на промежутке между Гавайями и Австралией.

Волна всеобщего негодования докатилась даже до стратегов армии и Белого дома. Из всех исследований этого периода, подвергавших сомнению правильность стратегических планов, наиболее убедительным оказался документ, написанный одним из помощников начальника штаба, бригадным генералом Д.Д. Эйзенхауэром. Сделанное им 22 января заявление позволяет судить о его отношении к происходящему: «Мы добрались до Европы, чтобы сражаться... мы впустую растрачиваем ресурсы... и что еще хуже... теряем время. Если мы должны защищать Россию, то следует оборонять Ближний и Средний Восток, Индию и Бирму; надо начать воздушные бомбардировки Западной Европы; и как можно скорее перейти к началу наземной операции».

Заявление Эйзенхауэра, сделанное им 28 февраля, прекрасно иллюстрирует ход его рассуждений. В нем генерал доказал, что, несмотря на то что Германия и ее сателлиты обладают значительной боевой мощью, у Японии на этот момент более выгодное положение, поскольку она не находится в состоянии войны с Советским Союзом. Кроме того, он пошел еще дальше в своих рассуждениях и подчеркнул тот факт, что общие усилия Британии, Соединенных Штатов и Советского Союза могли бы быть направлены против Германии и Италии, но не против Японии. И последний, решающий фактор: в Тихоокеанском бассейне потребуется в три, в четыре раза больше кораблей, чем в Атлантике. Следовательно, совершенно очевидно, что в первую очередь следует сконцентрировать усилия против европейских государств Оси. Следуя этой логике, Эйзенхауэр поддержал разработку совместного с Британией плана крупномасштабных операций в Северо-Западной Европе: начиная с середины мая перейти в наступление против постоянно увеличивающихся частей ВВС Германии, а к концу лета – против наземных войск.

Руководство Объединенного штаба одобрило эти выводы и 16 марта утвердило план операции.

Американские военные специалисты во главе с президентом тут же принялись выстраивать точный календарный план на основе этого стратегического проекта.

Президент счел необходимым объяснить правительству Голландии принятое решение. Вне всякого сомнения, полное оптимизма письмо, отправленное 6 апреля королеве Нидерландов Вильгельмине, преследовало цель оказать поддержку ее высочеству: «К сожалению, следует признать, что большая часть мира охвачена войной, и я думаю, понятно, что в последующие шесть месяцев основная проблема кроется в успешности борьбы России с Германией; если этим летом немцам удастся поставить Россию на колени, Германия сможет бросить все силы против Ближнего и Среднего Востока и попытается объединиться с Японией».

Другими словами, разгром Германии этим летом должен являться для нас основной стратегической целью. Все объясняется достаточно просто: если нам удастся это сделать, то Германия вряд ли переживет следующий год. В этом случае силы Объединенных Наций быстро справятся с японцами и отправят их обратно на свои острова. Голландская Индия будет восстановлена... и что-то внутри говорит мне, что так и будет...»

Гопкинс и Маршалл отправились в Лондон на переговоры с начальниками штаба и военного кабинета Британии, и 14 апреля предварительное соглашение относительно предложенного Маршаллом проекта было достигнуто. Основным план заключался в сосредоточении сил на территории Англии для вторжения на континент 1 апреля 1943 года; на непредвиденный случай, если потребуется срочно оказывать помощь русским на Восточном фронте, был разработан дополнительный план, предусматривающий высадку в 1942 году. Об этом подробнее будет рассказано в следующем разделе.

План военных действий в Европе был временно законсервирован, не без участия тех, кто стремился воевать в Тихом океане. Согласие Лондона совершенно не влияло на переброску войск в направлении Дальнего Востока. Несмотря на решение в первую очередь начать войну в Европе, Британия фактически дала согласие на вторжение через Ла-Манш, одновременно перебрасывая силы на восток для защиты Индии, Австралии и Новой Зеландии. В ответ на настойчивые требования правительств Австралии и Китая в течение нескольких месяцев 1942 года, поддержанные ВМС Юго-Западного Тихоокеанского флота под командованием Макауртура, в эти районы была направлена значительная часть боевых ресурсов.

В начале мая президент все-таки дрогнул под оказанным на него давлением и решил направить в Австралию большее количество самолетов и людей. Но Маршаллу удалось доказать, что это расстроит план нападения через Ла-Манш, и президент снял свою необдуманно поставленную резолюцию. В послании президента генералу Макауртуру от 6 мая явственно ощущается недовольство: «Мне трудно согласиться с основной стратегией весенне-летней кампании по той простой причине, что русская армия уничтожит гораздо больше солдат и выведет из строя большее количество техники Оси, чем двадцать пять армий Объединенных Наций, вместе взятых. Следовательно, будет совершенно правильно оказать поддержку России в 1942 году, обеспечив максимально возможную поставку военного снаряжения, и, кроме того, разработать планы, которые позволят частично отвлечь с русского фронта наземные и воздушные силы Германии».

Макауртур, являясь наиболее убежденным сторонником широкомасштабной акции в Тихом океане, доказал, что, помимо прочего, это еще и самый действенный и быстрый способ оказать русским максимальную поддержку. Однако президент упорно стоял на своем. 30 мая во время визита Молотова, советского министра иностранных дел, в Вашингтон (об этом чуть ниже будет подробно рассказано), президент сделал заявление о готовности информировать Сталина, «что мы в этом году рассчитываем открыть второй фронт»; он имел в виду второй фронт в Атлантике.

Борьба между сторонниками действий в Тихоокеанском и Атлантическом регионах разгорелась с новой силой, когда в июле британский военный кабинет министров отказался от плана нападения через Канал (то есть пролив Ла-Манш. – *Примеч. ред.*) и вернулся к проекту высадки в Северной Африке. Такой поворот событий обеспокоил Маршалла, и он тут же объединился с Кингом и с теми, кто продолжал настаивать на кардинальном изменении в размещении наших военных сил. 10 июля на совещании Комитета начальников штабов Маршалл, при поддержке Стимсона, предложил раскрыть карты, чтобы британские лидеры не говорили, что мы развернулись в сторону тихоокеанского театра военных действий для решительного наступления на Японию, поскольку не прошел план, одобренный ими в апреле. В тот же день Кинг и Маршалл направили записку в адрес президента, в которой они делали такой вывод: «Если Соединенные Штаты должны принимать участие в любых операциях, кроме силовых, строго следуя плану „Болеро“, то, бесспорно, нам следует обратить внимание на Тихий

океан, чтобы нанести решающий удар по Японии...» (В этот период существовала некоторая путаница с использованием названия «Болеро», которым обозначалась одна из частей операции через Ла-Манш, а иногда и вся операция.)

Ответ, направленный 14 июля из Гайд-парка, составленный в уважительном тоне, поскольку одним из авторов послания был президент, должен был убедить Маршалла и Кинга изменить свое мнение. По сути, он не являлся приказом, но звучал безапелляционно. «Я решил отправить вас, Кинг и Гарри (Гопкинс), в Лондон... Мне хочется, чтобы вы знали, что я не одобряю план тихоокеанской кампании». По возвращении из Гайд-парка в Вашингтон на следующий день президент сказал Стимсону, что ему не понравился тон записки Маршалла-Кинга, касающейся операции в Тихом океане.

В директиве, переданной отправляющейся в Лондон миссии, президент ясно дал понять, что независимо от того, будет или нет Британия соглашаться на высадку через Ла-Манш в 1942 году или весной 1943 года, он по-прежнему считает, что Германия является тем врагом, который должен быть уничтожен первым.

«Я возражаю против того, – писал он, – чтобы все наши усилия были направлены в Тихоокеанский регион, чтобы как можно скорее добиться поражения Японии. В высшей степени важно, чтобы мы понимали, что разгром Японии вовсе не означает разгрома Германии и что сосредоточение наших сил против Японии в этом или в 1943 году увеличит шансы Германии в установлении господства в Европе и Африке. С другой стороны, совершенно очевидно, что поражение Германии или удержание ее всеми возможными способами в 1942-м и в 1943 годах неизбежно приведет к полному разгрому Германии на европейском и африканском театрах войны и на Ближнем Востоке».

Интерес представляет следующая фраза: «Поражение Германии означает поражение Японии, причем, возможно, без выстрелов и кровопролития».

Интересно, что эта директива от 16-го числа сильно отличается от проекта, подготовленного Военным департаментом и представленного на рассмотрение президенту 15-го числа. Интересно также, что Черчилль в «Hinge of Fate» пишет, что рассматривает эту директиву как наиболее компетентное предложение, касающееся военной стратегии, из всех, которые когда-либо предлагал президент Рузвельт. Другая убедительная причина, на которую ссылался президент, – это невозможность нанесения решающего удара до тех пор, пока мы не сосредоточим усилия ВМС в этом районе. Не надо забывать, что существовала огромная потребность в авианосцах и десантных судах. В разговоре с Гопкинсом относительно его поездки в Лондон президент особо подчеркнул, что «армия с авиацией не являются решающей силой. Необходимо усиление военно-морского флота, а на это потребуется время».

В Лондоне Гопкинсу, Маршаллу и Кингу пришлось столкнуться с непреклонной позицией Британии. В отчетах президенту Гопкинс особо подчеркивал этот момент. Президент по-прежнему соглашался на операцию «Торч» в Северной Африке, дающую возможность американским сухопутным войскам развернуть наступление на Германию в 1942 году. Именно это решение определило приоритетность североафриканской экспедиции над остальными американскими военными действиями в других частях мира.

В течение следующих месяцев в Тихом океане было проведено несколько оборонительных операций и даже наступательная тактическая операция с ограниченной задачей. Военно-морские силы под командованием Макарура встретили менее значительное сопротивление со стороны военного ведомства, чем это было бы в том случае, если бы операция высадки через Ла-Манш была еще только в процессе разработки. Большая часть ВМС находилась уже в Тихом океане. Продолжалась отправка людей и оборудования на Дальний Восток; по крайней мере, до августа это

представлялось гораздо более актуальным, чем пересечение Атлантики. Изменения произошли только после того, как операция в Северной Африке получила активное развитие. Заглядывая вперед, можно сказать, что через год после Пёрл-Харбора, в боевых действиях по всему побережью Северной Африки и в подготовке к высадке через Ла-Манш в 1943 году, численность американской армии, задействованной в Тихоокеанском регионе против японцев, равнялась, по грубым прикидкам, численности армий Соединенного Королевства и Северной Африки, вместе взятых. Всего в двух регионах было задействовано примерно семьсот тысяч человек, и порядка трети самолетов Соединенных Штатов находилось на тихоокеанском театре военных действий.

Существенным отличием от операции «Болеро» являлось использование бомбардировщиков. В памятной записке от 24 октября, направленной Комитету начальников штабов, Рузвельт заявлял, что необходимо любой ценой удержать Гвадалканал, и добавлял: «Вскоре мы будем заняты на двух фронтах, и нам необходимо иметь соответствующую поддержку на каждом, даже если придется пренебречь остальными нашими обязательствами, особенно в отношении Англии...» В этой записке временный приоритет отдавался насущным требованиям тихоокеанской операции, не изменяя при этом основной стратегии.

С этого времени сухопутные и воздушные силы направлялись в основном в Европу. В район Тихого океана было направлено достаточно большое количество ресурсов для успешного проведения наступательных операций. Хотя победа в войне над Германией была еще далека, принцип расширения экспансии в Тихом океане не провозглашался открыто в проектах или решениях Объединенного штаба. Следовало признать, что любое увеличение сил, которые мы отводили на операцию в Средиземноморье, должно было, грубо говоря, приводить к увеличению сил, задействованных в тихоокеанской операции. Военный департамент использовал это в качестве ответной меры в отношении Британии, противостоящей их усилиям направить большую часть американской армии в Средиземноморье. В ответ на согласие перейти в наступление от Африки до Сицилии, данное на конференции в Касабланке в 1943 году, американцы потребовали расширения зоны своих действий в Южном и Юго-Западном Тихоокеанском регионе, реализуя тем самым растущую численность военно-морских сил. Они решительно отстаивали право на эти гораздо более необходимые для проведения военных операций в Тихом океане, а не во время высадки в Северо-Западной и Южной Франции суда. Как позже будет отмечено, это было одной из основных причин отсрочки проведения запланированных операций. Союзники ждали, что с верфей будет сходить в срок необходимое для тихоокеанского театра действий количество судов.

Хотя во всех официальных документах утверждалось, что первой должна быть одержана победа над Германией, что в конечном итоге и произошло, основные силы, до момента вторжения через Ла-Манш, были сосредоточены на тихоокеанском театре военных действий.

Заглянем немного вперед. Следует заметить, что театр военных действий Китай-Бирма-Индия не значился в списке приоритетных направлений. Мы делали ровно столько, сколько было необходимо, чтобы Китай находился в состоянии войны, и даже немного больше. Из семисоттысячной американской армии, отправленной из Соединенных Штатов, всего шестнадцать тысяч оказались в зоне военных действий этого военного театра, причем большая часть в Индии.

Зависимость Китая от требований остальных военных театров была связана с тем, что Британия и Советский Союз отнюдь не желали расходовать свои военные ресурсы в этой стране. Вот о чем следует помнить. Мы рассчитывали, что просто потянем с оказанием помощи китайскому правительству до тех пор, пока не одержим победу над Германией, а затем, без особых усилий, дойдем до Китая и уже вместе с китайцами справимся с Японией.

Стремление направить американские ресурсы в первую очередь на разгром

Германии, безусловно, повлекло за собой определенные последствия. Измени мы выбранную стратегию, и международное положение, а соответственно, и положение Соединенных Штатов, Британии, Советского Союза и Китая на завершающем этапе войны оказалось бы иным. Теперь трудно и, по всей видимости, бессмысленно, выяснять, какие последствия могло бы повлечь за собой принятие иного решения. Но некоторые предположения все-таки будут высказаны на страницах этой книги, просто для выяснения определенных моментов в таком безнадежном вопросе, как «могло бы быть»:

1. Если бы затянули с проведением операций в Средиземноморье, Италии и высадкой через Ла-Манш, то на завершающем этапе войны Советский Союз оказался бы более ослабленным.

2. В конце войны Америка могла бы занять господствующее положение на тихоокеанском театре. Мы могли бы сосредоточить реальные силы в Китае и, вероятно, в Монголии и Корее. В результате последующие соглашения, касающиеся этих регионов, могли бы оказаться для нас более выгодными.

3. Франция могла оказаться целиком во власти Гитлера, и, возможно, у Гитлера хватило бы сил, чтобы победить Британию на Среднем Востоке. Занимая господствующее положение в Западной Европе, нацизм окончательно бы сломил моральный дух людей, привел бы к физическому уничтожению населения и разрушил политические институты государств. Побежденные народы могли бы относиться к нам с полным безразличием, считая, что Советский Союз является их единственным верным другом-освободителем. Думаю, что это само по себе служит основным политическим оправданием нашей стратегии.

4. Германская ракетная атака могла привести к гораздо более разрушительным последствиям в Британии и оказаться настолько опасной, что союзникам пришлось бы срочно, до окончания необходимой подготовки, вторгнуться во Францию.

5. Если бы в то время, как Германия все еще продолжала воевать, Япония была бы уже полностью разбита, окончание войны, возможно, ознаменовалось бы первой атомной бомбой, сброшенной на Германию. В этом случае изменились бы условия капитуляции, и неизвестно, в лучшую или худшую сторону.

Даже эти предположения свидетельствуют о том, насколько сложно было бы предусмотреть последствия политического курса Соединенных Штатов, направленного в первую очередь не на разгром Германии.

Я всего лишь поверхностно ознакомил с теми сложностями, которые возникли в отношениях между американцами и британцами при выборе стратегического курса, когда решался вопрос, куда в первую очередь следовало направить усилия; стоило ли предпринимать попытку пересечения Ла-Манша в 1942 году или весной 1943 года, или удалось бы обойтись высадкой в Северной Африке и на средиземноморском побережье. К этим проблемам мы еще чуть позже вернемся.

Второй фронт в 1942 году: вторжение через Ла-Манш или Северная Африка?

Создатели стратегического курса расходились во мнениях относительно этой проблемы. Американцы полагали, что за ней могут скрываться политические мотивы. Эти метания то в одну, то в другую сторону, многократное изменение планов и напряженные дискуссии чуть не нарушили совместные планы ведения войны.

Группа военных советников во главе с Черчиллем прибыла в декабре 1941 года в Вашингтон на конференцию, получившую название «Аркадия», в полной уверенности, что первой совместной американско-британской акцией окажется высадка в Северной Африке. На первой неофициальной встрече, состоявшейся 22 декабря, Черчилль представил этот проект. Он объяснил, что опасается – если мы затянем с решением вопроса, Гитлер может опередить нас и двинуться через Испанию и Португалию к африканскому побережью. Премьер-министр с энтузиазмом представлял, как британская

армия в скором времени одержит решающую победу в Ливии, одновременно продвигаясь на запад к тунисской границе, в то время как союзническая экспедиция будет двигаться навстречу по средиземноморскому побережью. Рузвельт согласился с предложенным проектом, считая его вполне целесообразным, хотя бы даже по той причине, что американцы получают ощущение сопричастности к войне. Черчилль, очевидно, имел веские основания для того, чтобы после первого совещания доложить военному кабинету, что «обсуждение было ни то ни се».

Как отражено в официальном отчете, составленном по окончании конференции, военные штабы пришли к следующему соглашению:

«В 1942 году будут использованы методы, способные ослабить сопротивление Германии: все увеличивающиеся воздушные бомбардировки силами Британии и Соединенных Штатов... поддержка всеми возможными способами наступательных операций со стороны русских... операции, основной целью которых будет завоевание всего побережья Северной Африки; мало вероятно, что будет возможно любое крупномасштабное наступление, за исключением русского фронта... а вот в 1943 году уже может быть расчищен путь для возвращения на материк через Средиземноморье, через Турцию на Балканы, или путем высадки десанта в Западной Европе. Все эти операции окажутся прелюдией перед заключительной атакой непосредственно на саму Германию».

Но неблагоприятная обстановка, сложившаяся в последующие две недели в зоне Тихоокеанского региона и на Среднем Востоке, лишила надежды в короткие сроки подготовить надлежащую экспедицию в Северную Африку. Как уже было сказано, наступление японцев на юго-западном направлении тихоокеанского театра военных действий заставило американцев и англичан в спешном порядке направить туда больше, чем предполагалось, кораблей, самолетов и людей. В то же самое время германская армия ухитрилась укрепить оборонительные позиции на востоке Средиземноморья. Гитлер, прибавивший активность на русском фронте из-за зимы, занялся отправкой новых дивизий на Средний Восток. 13 января, в ответ на просьбу президента проанализировать сложившуюся ситуацию и дать оценку будущим событиям, начальники штабов сообщили, что с проведением основной операции в Северной Африке придется подождать до возвращения с юго-восточной части Тихоокеанского региона воинских частей и грузовых судов, то есть по крайней мере до середины мая. Черчиллю, весьма разочарованному задержками, тормозящими продвижение британских частей в Африке и Юго-Западной Азии, в результате пришлось примириться с таким положением дел. Он подавил свои эмоции, покидая в середине января Соединенные Штаты: «Моим надеждам, связанным с победой в Западной пустыне, где должен был быть разбит Роммель, не суждено сбыться. Роммелю удалось ускользнуть. Наш авторитет, безусловно, пошатнулся, и операция, связанная с высадкой англо-американского десанта во Французскую Северную Африку, естественно, отодвигается на месяц».

В течение периода вынужденного ожидания Соединенные Штаты пришли к выводу, что операция в Северной Африке будет невыгодна с точки зрения расходования военных ресурсов и даже опасна.

В марте в Белом доме была срочно проведена серия совещаний с целью выбора более удачного стратегического курса. Имеющий серьезную поддержку в лице Маршалла Стимсон, чье мнение совпадало со штабными стратегами, во главе которых стоял Эйзенхауэр, энергично доказывал из раза в раз, почему столь важно избежать «рассредоточения» и сконцентрировать усилия на наращивании сил в Великобритании для нападения через Ла-Манш. Мотивировка производила серьезное впечатление. В докладной записке, которую Эйзенхауэр представил на рассмотрение коллегам, он подытожил все вышесказанное. По крайней мере, до Британии путь свободен, и

американские части будут добираться без проблем; в предлагаемой операции будет задействован кратчайший морской путь, что позволит с наибольшей эффективностью использовать военно-морской флот; появляется реальная возможность нейтрализовать усилия Германии, направленные на концентрацию мощи против России с целью расправиться с ней еще до наступления следующей зимы; это наиболее простой и удобный путь с точки зрения подхода к Германии; мы получим явное превосходство в воздухе; и, наконец, не подвергая опасности оборонительные сооружения Великобритании, станет возможным использовать большую часть британских военных мощностей. Именно эти доводы послужили хорошим аргументом нападения на Германию через Ла-Манш.

К концу встречи, 25 марта, когда президент вновь стал проявлять нерешительность, предлагая переадресовать эту проблему Объединенному штабу, Гопкинс резко высказался против всякого рода проволочек. Он настаивал на том, чтобы начальники Комитета объединенных штабов как можно скорее завершили работу над планом и «кто-нибудь» (Маршалл) тут же отправился бы с ним к Черчиллю. Стимсон с Маршаллом покинули совещание в полной уверенности, что следует ускорить работу над планом, которым занят в данное время их штаб. Этим они и занялись в первую очередь.

Заслушав 1 апреля доклад Маршалла, президент одобрил разработанный штабом план и приказал Маршаллу и Гопкинсу немедленно отправиться в Лондон.

В соответствии с планом, впоследствии ставшим известным как Меморандум Маршалла, предполагалось начать вторжение во Францию 1 апреля 1943 года (операция «Болеро»). Соединенные Штаты должны были предоставить около тридцати дивизий и примерно три тысячи военных самолетов, а Британия – восемнадцать дивизий и около двух с половиной тысяч военных самолетов. Однако в случае возникновения непредвиденных ситуаций операцию предполагалось провести досрочно, в 1942 году (операция «Следжехэммер»); в том случае, если потребуется прийти на помощь теряющим силы русским или если удастся воспользоваться представившимся счастливым случаем, являющимся результатом событий, происходящих в самой Германии.

Британия была поражена наличием у Америки огромных человеческих ресурсов и самолетов, способных нанести основной удар в случае нападения. После нескольких дней обсуждения представленного плана операции 12 апреля Черчилль проинформировал президента о том, что британские начальники штабов *в принципе* согласны с предложенным Соединенными Штатами планом. Еще через два дня британские начальники штабов заявили, что план их устраивает. В тот же вечер, 14-го числа, на совещании военного кабинета министерства обороны, в присутствии Маршалла и Гопкинса, Черчилль искренне заверил их, что официально «принял план, имеющий исключительное значение». Хотя на самом деле согласие Британии было не более чем тактическим маневром.

Филд Маршал Алан Брук, начальник имперского штаба, сыгравший столь значительную роль в спасении британской армии в Дюнкерке, 14 апреля сделал такую запись в дневнике: «Исключительно важная встреча, во время которой мы согласились с их предложениями относительно вторжения в Европу в 1943-м, а возможно, и в 1942 году... На что действительно согласились британские начальники штабов, так это на проведение, во взаимодействии с Соединенными Штатами, подготовительной работы для вторжения в Европу, когда бы ни началась операция, и, кроме того, они весьма одобрительно отнеслись к вопросу максимальной концентрации американской военной мощи на территории Англии...»

Трудно сказать, что произошло на самом деле; то ли Маршалл и Стимсон не смогли правильно оценить ситуацию, то ли решили не обращать внимания на неопределенность позиции, занимаемой Британией. Тем не менее они покинули Лондон в надежде, что достигли полной договоренности. Отчитываясь перед Стимсоном и коллегами из Военного департамента, Маршалл доложил о результате, достигнутом миссией, вопреки

серьезному осложнению, вызванному беспокойством Великобритании по поводу грозящей со всех сторон опасности, и о том, что американский стратегический план был одобрен с небольшой поправкой и незначительными ограничениями. Но едва американцы исчезли из поля зрения Уайт-холла, как Черчилля и его военных советников начали одолевать сомнения; энтузиазм, с которым был встречен предложенный план, тут же пропал. Они подсчитали, что имеют в своем распоряжении слишком незначительное количество десантных судов, способных вместить одновременно всего лишь четыреста человек, а это количество, достаточное для того, чтобы превратить предложенный план в «несбыточную мечту».

После отъезда американской миссии британцы досконально обсудили предложенный план и оценили вероятность огромного риска в случае, если придется начать операцию, не дожидаясь ослабления Германии, или, что не исключено, при возможности перехода военных действий в затянувшуюся агонию позиционной войны, как это было в Первую мировую войну.

Резкое неприятие американских предложений, о чем тут же стало известно Маршаллу, оказалось даже сильнее, чем неприятие Рузвельта Черчиллем. Британские начальники штабов во главе с Черчиллем фактически отказались от мысли предпринять какую-либо попытку высадки на континент в 1942 году, даже в случае непредвиденных обстоятельств. Они посчитали, что в любом случае это окажется опасным и бессмысленным действием, которое не сможет серьезным образом облегчить положение русских. Англичане пришли к выводу, что, даже если союзническая армия войдет в Шербург или Брест, она будет там заблокирована, а значит, будет вынуждена держать оборону на протяжении следующей зимы и весны; это, в свою очередь, серьезным образом скажется на флоте и военных ресурсах и вызовет задержку остальных операций и, кроме того, никоим образом не заставит немцев в 1942 году перебросить основные силы с Восточного фронта. Позже Черчилль давал понять, что больше всего его интересовал вопрос, что следовало сделать до вторжения, предпринятого в 1943 году.

Оставаясь приверженцем ранее разработанных, неосуществленных планов вторжения, Черчилль не желал упустить другие отличные возможности, особенно ту, которую он обсуждал с Рузвельтом в декабре: одновременно с экспедицией в Северную Африку Британия наносит удар с востока. Понятно, что перспектива вторжения в 1943-м, а может, даже в 1944 году выбила его из равновесия. Черчилль полагал, что американцы рассматривают эту операцию в качестве решающей акции, в ходе которой будут разгромлены основные силы Германии. Памятуя об уроках Первой мировой войны, Британия не хотела завоевывать победу таким же путем. Англичанам хотелось отложить нападение до тех пор, пока немцы не выбьются из сил, затем лишить их союзника в лице Италии, а после этого изгнать их из Средиземноморья. В этом случае заключительным актом явилось бы вторжение с запада.

Так или иначе, но перемены в настроении Британии зашли так далеко, что стали уже вполне ощутимы. Гарриман, занимавшийся в то время в Лондоне операциями по ленд-лизу и установивший дружеские отношения с Черчиллем, с беспокойством отмечал появление этих тенденций. Расхождение между тем, что сообщили президенту Маршалл с Гопкинсом, и тем, что Черчилль говорил Гарриману, было достаточным для того, чтобы впоследствии явиться причиной серьезных разногласий между Соединенными Штатами и Британией... Обеспокоенный сложившейся ситуацией, Гарриман решил отправиться со специальной миссией в Вашингтон, но внезапно заболел.

Разница в подходе к операции, связанной с вторжением через Ла-Манш, обнаружилась во время визита Молотова в Лондон и Вашингтон по вопросу открытия второго фронта. Для того чтобы получить полное представление о том, что там происходило, читателю потребуется перевернуть еще несколько страниц. Здесь же будет вполне достаточно отметить, что во время первой остановки Молотова в Лондоне (с 21 по 26 мая), еще до поездки в Вашингтон, Черчилль держался предельно настороженно. Он

уклонялся от прямых и точных ответов на настойчивые вопросы Молотова, кто – Соединенные Штаты или Британия – и когда начнет наступление с запада на Германию. А вот когда Молотов прибыл в Вашингтон, президент повел себя иначе и несколько раз в разговоре с Молотовым подчеркнул, что предполагает открыть второй фронт в 1942 году. По возвращении Молотова в Лондон из Вашингтона Черчилль, старательно поддерживая у Молотова впечатление, что вторжение через Ла-Манш начнется, вероятно, даже в 1942 году, тем временем вручил ему меморандум, в котором объяснялось, что по понятным причинам британское правительство не может давать такого рода обещаний.

28 мая, информируя Рузвельта о ходе обсуждения военных проблем с Молотовым, Черчилль многозначительно сказал: «Мы никогда не должны отказываться от „Джимнаст“ (операция по завоеванию Французской Северной Африки), и, если потребуется, все должно быть направлено на выполнение этой операции».

Ко времени возвращения Молотова в Москву британское правительство оговорило условия, которые, по его мнению, должны были быть выполнены прежде, чем будет предпринята какая-либо операция по вторжению через Канал. 11 июня на совещании военного кабинета Черчилль высказался в том смысле, что любая попытка высадки на континент, предпринятая в 1942 году, зависит от двух моментов: нет оснований для высадки во Франции, если не преследуется цель остаться там, и не стоит даже пытаться предпринимать какие-либо действия, если немцы не будут деморализованы собственными неудачами на русском фронте. Военный кабинет согласился с этим мнением. Оценивая тот факт, что кое-кто во главе с Маршаллом помешан на идее любой ценой высадиться на континенте в 1942 году, чтобы облегчить положение русских и подготовить основное вторжение 1943 года, Черчилль понимал неотложность очередной поездки в Вашингтон, чтобы со всей определенностью выразить там свое несогласие по данному вопросу. Он считал, что, если ему не удастся уговорить американцев, рухнет англо-американский военный союз. Премьер-министр понимал, что для того, чтобы добиться своего, ему придется предложить какой-то проект, согласно которому объединенные силы Америки и Британии выступят против Германии в 1942 году. Черчилль, естественно, имел в виду операцию в Северной Африке.

Премьер-министр провел несколько дней (с 19 по 25 июня) в разговорах в Гайд-парке, и Вашингтон сдался под напором его красноречия. Черчилль приложил все силы, чтобы убедить Рузвельта в том, что не чрезмерный страх, или предубеждение, или какой-то прогноз привели его коллег к этому решению, а тщательно проведенный военный расчет. Он уверенно заявил, что в его штабе нет ни одного человека, который бы считал, что высадка в северо-западном направлении в 1942 году может оказаться успешной. В настоящий момент немцы укрепили свои позиции, и он (Черчилль) не собирается посылать войска в очередной Дюнкерк.

Маршалл с гневно кричащим за его спиной Стимсоном упорно настаивали на своем. Маршалл, в отличие от Черчилля, не был уверен, что русским удастся продержаться без посторонней помощи в 1942 году. По поводу этого свидетельствовало активное наступление немцев в Крыму, оккупация Харьковской области, уверенное продвижение на Кавказ; а еще дальше, на севере, захватив Курскую область, немцы сосредоточили значительные силы для наступления на Сталинград. Даже если русским удастся сохранить линию обороны, Маршалл опасался, что немцы настолько укрепили свои силы и смогли продвинуться так далеко на восток, что умудрились сэкономить значительные резервы для того, чтобы позже направить свой удар против Запада. Относительно предложенной альтернативы, связанной с отправкой экспедиции в Северную Африку в 1942 году у Маршалла были определенные сомнения; он опасался, что этот план негативно отзовется на более поздней операции, связанной с вторжением во Францию.

Британцы были категорически против проведения любых операций через Ла-Манш в 1942 году и всячески оттягивали решение вопроса о наступлении в 1943 году до тех пор, пока не смогут предложить план, устраивающий обе стороны. В конце крайне

эмоционального, длившегося целый день спора в Белом доме (21 июня) было достигнуто соглашение, что до 1 сентября американская сторона будет активно заниматься подготовкой операции «Болеро»; одновременно, в зависимости от ситуации, будет принято решение о необходимости проведения наступления через Ла-Манш.

Для Ливии это была страшная неделя. Пока шли переговоры, было получено известие, что Тобрук капитулировал, освободив, таким образом, путь Германии для завоевания всей области Суэцкого канала. Теперь немцы двигались с такой скоростью, что под их напором оставшаяся часть британской армии могла быть или уничтожена, или ей пришлось бы отступать, поставив под удар всю территорию вплоть до Индии. Вероятность такого исхода оказала влияние на переброску военных частей и оборудования, что, в свою очередь, отразилось на вопросе относительно возможных попыток вторжения в 1942 году. Еще до падения Тобрука американцы предлагали отправить туда 2-ю танковую дивизию, которая должна была принять участие в защите Ливии, в том случае, если Британия возьмет на себя транспортировку. После падения Тобрука Британия просила как можно скорее направить туда дивизию, кроме того, предложив направить корабли, «Королеву Мэри» и «Королеву Елизавету», для переброски американских частей в Англию. Чтобы не допустить срыва операции «Болеро», американцы настаивали на том, чтобы Британия направила в Ливию свою собственную дивизию, и, чтобы заставить ее сделать это, дали обещание обеспечить британскую армию на Среднем Востоке значительным количеством танков, самоходных артиллерийских установок и других видов вооружения. Ситуация, таким образом, была спасена, но операции по высадке на континент был нанесен серьезный ущерб. Это повергло американцев в крайнее уныние.

2 июля, спустя неделю после отъезда Черчилля в Лондон с так и не разрешенными проблемами, американские и британские начальники штабов предприняли действия, свидетельствующие о различии их устремлений. Американцы решили предпринять атаку в юго-западной части Тихого океана, начиная с Гвадалканала. В это время британцы отправили Черчиллю мрачное сообщение; они ожидали, что им не удастся добиться специально оговоренных военным кабинетом условий, предшествующих открытию второго фронта в 1942 году. Через четыре дня Черчилль председательствовал на совещании британских начальников штабов, на котором «единогласно приняли, что операция „Следжехэммер“ (экстренная высадка в 1942 году) не оставляет надежды на успех и просто разрушит все шансы на проведение операции „Раундап“ в 1943 году».

Черчилль решил, что пришла пора положить конец разногласиям и покончить с нерешительностью, что, как он позже описывал свои размышления, «наступил момент отступить от операции „Следжехэммер“, которая должна быть на какое-то время предана забвению».

Черчилль еще раз объяснил президенту причины, обуславливающие его позицию. Суть его заявления, изложенного в личном послании Рузвельту от 8 июля, заключалась в следующем: «Никакой британский генерал, маршал или адмирал не вправе предлагать „Следжехэммер“ в качестве реально осуществимой операции в 1942 году». И дальше он поясняет: «Я уверен, что Французская Северная Африка (операция „Джимнаст“) является наилучшим шансом с точки зрения оказания помощи русскому фронту в 1942 году... Это и есть реальный второй фронт, открытый в 1942 году».

Через два дня, 10 июля, британский военный кабинет продублировал личное послание Черчилля, отправив британскую военную миссию в Вашингтон с тем, чтобы она проинформировала комитет начальников штабов Соединенных Штатов.

Маршалл все еще продолжал настаивать на том, что это означает отказ от главного ради второстепенного. Но президент был всерьез обеспокоен разногласиями между своими и британскими военными советниками. В связи с этим Рузвельт сообщил Маршаллу, что решил немедленно отправить его вместе с Гопкинсом и Кингом в Лондон. В течение двух дней, 15 и 16 июля, президент изложил Маршаллу свою позицию. Она

состояла в следующем. В Лондоне Гопкинс и Кинг должны достигнуть *неких* решений, которые дадут возможность американским сухопутным войскам начать наступление в 1942 году. Угроза тихоокеанской операции не являлась ультиматумом в адрес Британии. В случае если Британия будет по-прежнему отказываться принимать участие в нападении через Ла-Манш в 1942 году, в конце года Америке придется отказаться от какой-нибудь операции в Африке. Составленные президентом директивы заканчивались в несвойственном ему приказном тоне: «Запомните, пожалуйста, три основных условия: единство планов, комбинация защиты и нападения, а не только нападение, и быстрота принятия решения, касающегося совместных планов. Все это окажет непосредственное влияние на деятельность сухопутных частей Соединенных Штатов, сражающихся с Германией в 1942 году. Я надеюсь, что вы достигнете соглашения по всем вопросам в течение одной недели».

Согласившись с американцами, что в плане имеются достаточно серьезные недоработки и допускается определенная степень риска, Черчилль и британское руководство по-прежнему были убеждены, что операция в Северной Африке наиболее перспективна из всех операций, которые могли бы быть предприняты в 1942 году. Поэтому во время переговоров с Маршаллом и его коллегами они продолжали упорно настаивать на своем.

Об этом было решительно заявлено президенту. Ознакомившись с результатами переговоров, президент приказал Маршаллу, Кингу и Гопкинсу договориться с британцами, согласившись на одну из приемлемых альтернатив.

Таким образом, на основании приказа президента они были вынуждены отказаться от собственных планов и согласиться на операцию в Северной Африке. Затаив в душе обиду, настроенные весьма пессимистично, Маршалл с коллегами выполнили приказ президента. 24 июля на последней встрече с британскими начальниками штабов Маршалл потребовал, чтобы это решение было запротokolировано, причем в такой форме, чтобы стало понятно, что «...мы вступаем в эту операцию, жертвуя планом „Раундап“, который, по всей вероятности, не будет выполнен в 1943 году. Вот почему мы согласились с оборонительной тактикой».

Маршалл всеми силами стремился оговорить в виде особого условия, чтобы рассмотрение решения относительно операции, связанной с вторжением через Ла-Манш в 1943 году, было бы отложено до 15 сентября, когда оно могло бы оцениваться в зависимости от предполагаемого хода военных действий на территории России. Британские начальники штабов не согласились признать подобный план. Но, даже по возвращении в Вашингтон, наличие особого мнения дало возможность Маршаллу утверждать, что проблема так и осталась нерешенной.

Однако у президента была своя точка зрения на существующую проблему. В этот же день, 24 июля, вероятно еще до того, как он увидел итоговый отчет, составленный британскими и американскими начальниками штабов, президент сообщил Гопкинсу, что он является сторонником скорейшей высадки в Северной Африке. Ознакомившись с отчетом, Рузвельт не обратил внимания на особое мнение, и уже на следующий день, 25-го, послал сообщение в Лондон. По его мнению, операция в Северной Африке должна была начаться не позднее 13 октября, и попросил Гопкинса передать Черчиллю, что он доволен принятым решением. Президент просто зачитал это сообщение государственному секретарю Стимсону и генералам Арнольду и Макнарни, не поинтересовавшись их мнением.

Из всех сторонников высадки на континенте больше всех из-за принятого решения переживал Стимсон, опасаясь того, что произойдет распыление большей части американских сил на театрах войны в Северной Африке, Великобритании и Австралии в то самое время, когда, победив русских, немцы смогут спокойно перебросить все силы на запад. Он изложил свою точку зрения президенту по телефону, в докладной записке и в письме, но даже после этого президент не изменил своего решения. Позже, оглядываясь

назад, Стимсон установил причины, по которым не сбылись его пессимистические прогнозы: неожиданная победа русских под Сталинградом и невероятно удачный десант в Северной Африке.

Когда после возвращения в Вашингтон Маршалл принялся приводить аргументы в защиту своей точки зрения, это не произвело на президента ровным счетом никакого впечатления. 13 июля он объявил, что, как главнокомандующий Объединенного штаба, он принял следующие решения: операция в Северной Африке (под новым названием «Торч») должна начаться как можно раньше; именно эта операция и будет являться основной целью; она будет иметь приоритет по отношению к остальным задачам, таким, например, как концентрация, подготовка и оснащение воинских частей в Великобритании для будущего вторжения на континент. Тем самым он проигнорировал пророчества Маршалла и Стимсона, что если англо-американские войска будут заняты в Северной Африке, то не произойдет никаких попыток вторжения во Францию в 1943 году. Как докладывал Маршаллу после встречи с президентом генерал Макнарни, «...он не видит причин, по которым отвод нескольких частей в 1942 году может воспрепятствовать проведению операции „Болеро“ в 1943-м».

Рузвельт не мог предположить, как сильно это повлияет на подготовку операции по вторжению через Ла-Манш в 1942 году и на действия в Тихом океане. Затянувшаяся кампания в Тунисе, вызвавшая замешательство в англо-американских войсках, доказала ошибочность его позиции. Но даже если бы он предвидел заранее, что это произойдет, он бы все равно решил, что наиглавнейшей целью является немедленное участие американской армии в действиях, направленных против Германии и Италии. Когда выяснилось, что операция по вторжению через Ла-Манш отодвигается на какое-то время, появилась надежда, что Гитлер, потеряв двухсотпятидесятитысячную армию и необходимое оборудование, отзовет с русского фронта авиационную поддержку. И наконец, остался открытым вопрос: даже если все силы и ресурсы, необходимые в Северной Африке, будут брошены на подготовку вторжения через Ла-Манш в 1943 году, можно ли будет признать целесообразной эту попытку, при условии что Германия все еще будет сильна...

Что же касается Черчилля, то его не сильно волновало, каким образом североафриканская операция скажется на задержке операции через Ла-Манш. Судя по дневниковым записям, Черчилль надеялся на успешное продвижение на север и юг Германии. По его мнению, эти действия наряду с изнурительными боями на востоке, при поддержке воздушных атак, окажут такое воздействие на Германию, что не потребуется никакого вторжения с запада. Разве что придется нанести решающий удар, когда Германия будет уже практически повержена.

Далее. Черчилль полагал, что североафриканская экспедиция не только не отменяет обязательства, взятые на себя президентом и им (Черчиллем) в части оказания помощи русским в 1942 году, а как раз способствует наиболее эффективному их выполнению. Следуя этому убеждению, Черчилль мужественно взялся урегулировать со Сталиным и советскими лидерами этот вопрос. В своей обычной сердечной манере он поставил руководство России перед фактом, что в 1942 году США и Англия не будут высаживать войска на континент. Чтобы понять, как и почему это решение повлияло на более поздние отношения с Советским Союзом, необходимо вернуться назад, чтобы понять, что думали об этом же русские.

Присоединение Советского Союза: второй фронт и советские фронты

Как только первые немецкие танки вторглись на территорию Советского Союза, Сталин потребовал от союзников таких действий, которые заставили бы немцев разделить свою армию и тем самым уменьшить напряжение на Восточном фронте. Америка и Британия, несмотря на различие во взглядах на эту проблему, решили приступить к

выполнению поставленной задачи в 1942 году. Насколько этой проблемой были заняты мысли Рузвельта, ясно из сообщения, отправленного 2 апреля Черчиллю, в котором президент сообщает, что посылает Маршалла и Гопкинса в Лондон для того, чтобы они объяснили ключевые моменты плана высадки через Ла-Манш. «Я надеюсь, что Россия воспримет этот план с большим энтузиазмом, и хочу просить Сталина немедленно направить двух специальных представителей (Молотова и командующего ВМФ) для встречи со мной». В письме Черчиллю от 3 апреля Рузвельт пишет: «Как там Гео (Маршалл) и Гарри (Гопкинс)? Маршалл объяснит вам, чем заняты мое сердце и мысли. Оба наших народа требуют открытия фронта, чтобы ослабить давление на русских, а наши люди достаточно разумны, чтобы видеть, что на сегодня русские уничтожают больше немцев и немецкой техники, чем вы и я, вместе взятые. В любом случае, это будет иметь большое значение, даже если окончательная цель не будет достигнута».

Не дожидаясь детального анализа операции через Ла-Манш с точки зрения ее военной целесообразности и как только Британия согласилась обсудить проект операции, Рузвельт тут же сообщил об этом Сталину, понимая, какие надежды возлагает маршал на эту операцию. Подобная поспешность объяснялась серьезной причиной. Рузвельт надеялся, что, оказывая помощь советскому правительству в столь жизненно необходимом вопросе, ему удастся обойти вопрос, связанный с советскими границами, который уже поднимался во время визита Идена в декабре прошлого года в Москву и теперь вновь начал активно муссироваться.

Напомним, что Идеи пообещал Сталину, что обсудит с американским правительством и правительствами доминионов требование Советского Союза о признании советских границ. Молотов не дал возможности Идену отложить решение этого вопроса. Едва министр вернулся из Москвы в Лондон, Молотов тут же напомнил ему о данном обещании. Черчилль в это время все еще находился в Соединенных Штатах, на отдыхе во Флориде. 8 января 1942 года премьер-министр написал Идену из Америки:

«Присоединение государств Балтии к России против воли народа будет противоречить всем принципам, за которые мы сражаемся в этой войне, и пойдет вразрез с нашими устремлениями. Это же относится к Бессарабии и Северной Буковине и, в меньшей степени, к Финляндии, которая, я полагаю, не намерена безоговорочно присоединиться к России.

...В любом случае, до проведения мирной конференции и речи не может идти о признании границ. Я знаю, что президент Рузвельт придерживается моей точки зрения и несколько раз выражал согласие с нашей жесткой позицией, выработанной еще в Москве».

Зато не успокаивался Хэлл. Он знал, как сильно может отозваться любое намерение советского правительства на желании русских бороться до конца. В любом случае, он понимал, что по-прежнему необходимо оказывать давление на Черчилля и военный кабинет, невзирая на усилия, идущие из Москвы. Поэтому 4 февраля Хэлл направил президенту еще одно послание, где вновь привел четыре причины, почему он считает все соглашения военного времени, касающиеся территориальных притязаний, трудновыполнимыми. В отличие от Атлантической хартии, новый курс, взятый Соединенными Штатами, признавал силовую аннексию территорий.

Кроме того, Хэлл разъяснил, что занял твердую позицию в части советских территориальных притязаний. Одним словом, наше желание отложить решение вопроса являлось дипломатическим ходом. Хэлл надеялся, что сможет уговорить Сталина умерить территориальные притязания, убедить его, что решение вопроса лучше отложить на послевоенный мирный период, сделав это с помощью взаимных обязательств в части подавления будущих попыток агрессии.

2 марта, под влиянием Хэлла, президент напрямую обратился к Сталину с просьбой не включать территориальные вопросы в предстоящее соглашение.

Как президент Вильсон во время Первой мировой войны старался уклониться от проблем, связанных с решением территориальных вопросов в соответствии с секретными соглашениями, так и Рузвельт, опасаясь развала коалиции, пытался уйти от этих вопросов. Как недвусмысленно выразился полковник Хауз в апреле 1917 года относительно визита в Вашингтон Артура Бальфора, британского министра иностранных дел: «Я надеюсь, вы согласитесь со мной, – писал он президенту Вильсону, – что сейчас лучше всего избегать обсуждения послевоенного переустройства... Если союзники примутся обсуждать условия, они вскоре возненавидят друг друга сильнее, чем Германию, и сложится ситуация, схожая с ситуацией на Балканах после турецкой войны...»

Поляки придерживались такого же мнения. Так, 9 марта Сикорский предупредил Идена о том, что признание советских притязаний разрушит основы будущей победы, поколебав доверие и надежду «тех стран, которые самоотверженно боролись с Третьим рейхом и его сателлитами», и плохо отзовется на положении нейтралов, включая Турцию.

Сталин ответил только, что ознакомился с точкой зрения Рузвельта, и ничего более. Майский, советский посол в Лондоне, позже объяснил в министерстве иностранных дел, что советское правительство отправило столь сжатый ответ, поскольку его не интересовало мнение американской стороны. Советское правительство настаивало на том, чтобы Британия пренебрегла так называемым «американским вмешательством». Но Британия не могла так поступить. Как понял Хэлл, Британия начала сомневаться, так ли уж разумно упорно отклонять советские требования. Они начали волноваться о том, что может произойти, если они продолжат упорствовать, и размышлять над тем, что можно выиграть, если пойти на уступки. Изменение точки зрения Британии отразилось в послании Черчилля Рузвельту от 7 марта: «Усиливающаяся опасность войны заставляет меня почувствовать, что принципы, заложенные в Атлантическую хартию, не следует рассматривать буквально, как отказ России от тех территорий, которые она оккупировала в преддверии нападения на нее Германии. Ведь это послужило основанием для вступления России в альянс. ...Поэтому я надеюсь, что вы как можно скорее подпишете соглашение, на котором так настаивает Сталин, и развяжете нам руки. Все предвещает серьезное наступление Германии на Россию весной этого года, и это самое меньшее, чем мы можем помочь стране, воюющей с немцами».

А вот мнение премьер-министра относительно Балтийских государств не изменилось. Черчилль пришел к выводу, что ради этого нет смысла подвергать риску Британию, и вот что он пишет, размышляя над этим вопросом: «В смертельной схватке не стоит принимать на себя большую тяжесть, чем та, которая обусловлена необходимостью борьбы».

Опасения Черчилля были, может, и не обоснованы, но вполне понятны. Черчилль прекрасно помнил, что Британия и Франция весьма неохотно предоставили России контроль над Балтийскими государствами, что являлось одним из условий соглашения 1942 года с Советским Союзом, открывшим путь для заключения Пакта Риббентропа-Молотова. Через два дня, 9 марта, премьер-министр сообщил Сталину о том, что ему удалось убедить Рузвельта включить в соглашение обязательство по рассмотрению советских границ после окончания войны. Сталин поблагодарил за это сообщение. Черчилль поддержал интерес Сталина, сообщив ему о скором прибытии лорда Бивербрука в Вашингтон с целью сглаживания углов для получения согласия президента.

Сопrotивляться просьбе Черчилля насчет уступок, связанных с интересами войны, было довольно трудно, но Рузвельт пока еще не был расположен авансировать Советский Союз. Хэлл тоже был категорически против этого. Судя по некоторым источникам, Комитет начальников штабов тоже являлся противником этой идеи.

Отдельные группировки в Соединенных Штатах были уверены, что из этого не выйдет ничего хорошего. Поэтому президент лихорадочно искал компромиссное решение, которое заключалось бы в том, что финны, литовцы, латыши и эстонцы, не желавшие входить в состав Советского Союза, имели бы право покинуть советские территории.

Хэлл отсутствовал по болезни, и на совещание в Галифакс прибыл Уоллес, исполняющий обязанности государственного секретаря. Уоллес решил опробовать предложение президента на русских, но они не захотели включать его в проект соглашения.

Когда 8 апреля Гопкинс и Маршалл прибыли в Лондон для участия в обсуждении проекта вторжения через Ла-Манш, атмосфера внутри коалиции была накалена. В соответствии с инструкцией, Гопкинс первым делом ясно дал понять, что американское правительство пока еще противится официальному признанию территориальных притязаний России. 9 апреля, после переговоров Черчилля с Иденом, Гопкинс сделал следующую запись: «Я разъяснил Идену позицию президента в отношении подписания соглашения с Россией, поскольку было совершенно ясно, что президент не одобряет подобных действий. Я объяснил, что президент, безусловно, не мог препятствовать подписанию договора, и, проанализировав сложившуюся ситуацию, согласился с доводами британской стороны. Я настойчиво убеждал Идена в том, что, по мнению президента, нашей основной задачей здесь (имеется в виду второй фронт) является уменьшение давления, оказываемого на Англию со стороны России».

Отсюда становится понятна поспешность, связанная с визитом Молотова в Вашингтон. Советское правительство должно было соблазниться предоставленной возможностью.

Через два дня, 11 апреля, Рузвельт сделал еще один шаг, который, как он объяснил Черчиллю, требовалось предпринять. Он отправил Сталину послание, в котором, после выражения сожалений по поводу того, что они со Сталиным не смогут встретиться в ближайшее время, сообщалось, что, по его мнению, предлагаемое решение имеет крайне важное значение, давая возможность обменяться мнениями по вопросам военной стратегии. «Я имею в виду, – писал президент, – очень важный военный проект, предполагающий использование нашей военной силы для оказания вам помощи на Западном фронте. Решение этой задачи снимет с меня огромную тяжесть».

В связи с этим он сказал Сталину, чтобы тот, если возможно, в ближайшее время направил в Вашингтон Молотова и генерала, на которого может положиться, поскольку «временной фактор имеет существенное значение в столь важном деле». Президент предложил воспользоваться американским транспортным самолетом для перелета советской делегации в оба конца.

Но Сталин не слишком верил таким расплывчатым обещаниям. Он взял время на обдумывание, стоит ли, а если стоит, то когда, отправить Молотова в Вашингтон, а тем временем продолжал оказывать давление на Британию, чтобы она дала согласие на включение в соглашение требуемых советской стороной условий. Фактически Сталин, как настоящий союзник, тем самым проверял истинность отношения Англии к Советскому Союзу. Британское правительство пыталось найти пути выхода из тупикового положения с помощью соглашения, которое если не удовлетворило, то по крайней мере успокоило бы Германию. Но Сталин не шел на уступки. То ли встревоженный, то ли раздраженный, все еще не принявший приглашение Рузвельта, 23 апреля Сталин заявил Черчиллю, что собирается немедленно отправить Молотова в Лондон посмотреть, не сможет ли он, в конце концов, уладить разногласия. Сталин решил, что, после получения приглашения Рузвельта посетить Соединенные Штаты, в котором тот также поднимает вопрос об открытии второго фронта, тем более стоит нанести визит в Англию. Он полагал, что перед отъездом Молотова следует обменяться мнениями с Британией по этому вопросу. Короче, у Сталина были две причины, чтобы Молотов по пути в Вашингтон остановился в Лондоне. Он понимал, что, несмотря на то что американское правительство взяло на себя инициативу в отношении проекта вторжения через Ла-Манш, основной удар в 1942 году придется на Британию и следует добиваться ее согласия. И второе: если Молотову удастся достигнуть договоренности с Британией еще до визита в Вашингтон, американскому правительству будет сложнее настаивать на запрете.

Черчилль, конечно, ответил, что будет весьма рад встретиться с Молотовым в

Лондоне. Рузвельт поддержал эту идею.

В соответствии с указаниями Хэлла Винант не стал дожидаться повторного появления Молотова в Лондоне (на обратном пути из Вашингтона в Москву) и убедил министерство иностранных дел не соглашаться на условия России. Что и было сделано. Советское правительство выразило крайнее неудовольствие, и Молотов, которого ждали двумя неделями раньше, появился в Лондоне только 20 мая.

Советский министр иностранных дел на первых переговорах изложил все российские требования, подчеркнув желание сохранить восточную часть Польши, оккупированную в 1939 году, и обозначив притязания на Румынию. Идеи вновь отверг эти требования. Получив от Идена отчет по переговорам, Хэлл, казалось, почувствовал беспокойство. Он представил на рассмотрение президенту послание, в котором говорилось, что, если британское и советское правительства подпишут договор, содержащий территориальные притязания, это нанесет страшный удар по всей антигитлеровской коалиции. Хэлл дал понять, что если они все-таки сделают это, то американскому правительству, по всей видимости, придется публично отказаться от англо-советского соглашения, что приведет к открытым разногласиям. Президент одобрил представленное послание и приказал Хэллу отправить его Винанту для передачи Идену. Что тут же было сделано.

Очевидно, это возымело свое действие, поскольку уже на следующей встрече с Молотовым Идену удалось найти компромиссное решение. Идеи прямо заявил, что им следует отложить соглашения по территориальным притязаниям и просто подписать обычный официальный договор альянса, без ссылок на границы, сроком на двадцать лет. Во время этой встречи Молотов впервые обозначил готовность пойти на уступки.

Кто же знает, почему Молотов в конце концов отказался от территориальных требований? По всей видимости, на него произвела впечатление англо-американская солидарность, а кроме того, имели место и другие причины. В течение двух дней немцы прорвали оборону Восточного Крыма и блокировали контрнаступление русских в Восточной Украине. Молотов, обсуждая с Черчиллем возможные пути отвода сорока немецких дивизий с Восточного фронта, спросил, какую позицию займет Британия в случае, если советская армия не сможет продержаться в течение 1942 года. Короче, русские, после столь неблагоприятного поворота событий на Восточном фронте, с еще большим нетерпением требовали открытия второго фронта в 1942 году. Они, вероятно, понимали, что только упорство и настойчивость смогут явиться гарантией послевоенных территориальных притязаний.

Вечером 24 мая Винант встретился с Молотовым. После обсуждения программы помощи русским, которую имело в виду американское правительство, и вопроса, касающегося открытия второго фронта, Винант особо подчеркнул, сколь большое значение Рузвельт и Хэлл в данный момент придают рассмотрению проблем, связанных с фронтами. Молотов внимательно слушал. Уже в марте Сталин дал понять, что расценивает попытку президента повлиять на исход переговоров с Британией как неоправданное вмешательство. Теперь Молотов объяснил Винанту, что следует обратить серьезное внимание на точку зрения президента. Он сказал, что обдумает предложения Идена и, возможно, отложит решение по ним до встречи с президентом.

Советское правительство, по всей видимости, решило, что ожидание не принесет никакой пользы, а безотлагательное соглашение может стать причиной того, что западные союзники окажут поддержку Красной армии. Поэтому 26 мая было подписано соглашение, в котором ничего не говорилось об условиях относительно территориальных притязаний. Черчилль полагал, что удалось избежать серьезной опасности, которая могла повлечь за собой развал коалиции. 27 мая он сообщил Рузвельту: «...мы полностью изменили условия соглашения. На мой взгляд, они (русские) теперь поддерживают нашу позицию и всецело поддерживают Атлантическую хартию. Сегодня днем соглашение было подписано при полном единодушии обеих сторон».

Сталин, казалось, был полностью удовлетворен. По словам Черчилля, он «разве что не мурлыкал».

Послание Сталина в адрес премьер-министра, безусловно, свидетельствовало о высокой признательности в адрес заслуживающего доверия союзника, оказавшего поддержку Советскому Союзу в критический момент: «Я уверен, что это соглашение будет иметь огромное значение для укрепления будущих дружеских отношений между Советским Союзом и Великобританией, а также между нашими двумя странами и Соединенными Штатами Америки и защитит наши страны от коллаборационизма после победного окончания войны».

Хэлл заявил, что мир спасен, а это было наилучшим исходом. Рузвельт был доволен, что и продемонстрировал Молотову, когда спустя четыре дня советский министр прибыл в Вашингтон. Поскольку соглашение учитывало пожелания американской стороны, Молотов имел серьезные основания рассчитывать на сердечный прием и благосклонное отношение к стремлению России увидеть западную линию фронта.

Окончательное присоединение Советского Союза: второй фронт и советские фронты

27 мая, когда Молотов вылетел из Лондона в Вашингтон, Рузвельт сообщил Черчиллю, что ему было приятно узнать об отношении к проекту высадки через Ла-Манш. Черчилль переслал Рузвельту копию памятной записки, которую он составил после проведения официальных переговоров с Молотовым утром 22 мая. Во время переговоров премьер-министр изложил планы подготовки операции, находящейся в стадии разработки у американцев и англичан, без указания конкретных сроков окончания этой работы. Затем он подчеркнул два момента, которые, по его мнению, Молотову следовало учитывать. Во-первых, при всем желании, представляется маловероятным, что удастся оттянуть многочисленную вражескую армию в 1942 году с Восточного фронта. А во-вторых, западным союзникам уже противостоят сорок четыре немецкие дивизии на других театрах войны. Однако, закончил Черчилль, русские не были удовлетворены; если бы имелась возможность разработать какой-нибудь другой разумный план, то они бы, не колеблясь, воспользовались ею. Кроме того, премьер-министр дал знать президенту, что он приступил к обсуждению и других военных вопросов, таких, как высадка на севере Норвегии, северные конвои в Советский Союз и вероятное расширение ливийской кампании.

Молотов покинул Лондон, теряясь в догадках, что бы значила эта беседа, и решил задать президенту прямой вопрос. Так, во время обеда 29 мая Молотов поинтересовался у Рузвельта, будут ли американцы и британцы в скором времени открывать новый фронт, который сможет оттянуть на себя порядка сорока дивизий с Восточного фронта. Если они не сделают этого, предупредил Молотов, то, скорее всего, Советский Союз не сможет больше сопротивляться. А если Гитлер решит использовать всю имеющуюся в его распоряжении силу для нанесения удара, то вполне сможет прорвать оборонительные рубежи. Лишившись Москвы и Ростова, русские будут вынуждены отступить к Волге, оставив немцам всю Центральную Россию, и лишатся продовольствия и сырья с Украины, а возможно, и кавказской нефти. Если это произойдет, весь удар обрушится на Великобританию и Соединенные Штаты, и, когда они попытаются наконец открыть второй фронт, немцы мощно ударят по ним с запада. Поэтому Молотов попытался убедить президента, что в интересах Соединенных Штатов – пока Советский Союз еще удерживает оборонительные линии, а советская армия еще достаточно сильна – сделать все возможное, чтобы с помощью сокрушительной атаки отеснить врага с русского фронта. Молотов считал, что тридцати американско-британских сухопутных и пяти бронетанковых дивизий будет вполне достаточно для высадки во Франции.

Одним словом, Молотов приехал не с просьбами о помощи, а для того, чтобы продемонстрировать Западу, в чем заключается блестящий для него шанс. Все это

произвело огромное впечатление на Рузвельта, но следовало учитывать трудности, связанные со спешкой при подготовке и проведении столь сложной и опасной операции. Президент объяснил, что существует серьезная транспортная проблема, особенно в части десантных судов; солдат найти проще. Он спросил у Молотова, не будет ли достаточно десяти дивизий для высадки во Франции. После чего президент с Гопкинсом подчеркнули, что Соединенные Штаты согласны поддержать скорейшее осуществление этого рискованного проекта. Но Молотов сомневался, что от этого будет много пользы.

Во время беседы, проходившей 30 мая, президент в присутствии Молотова поинтересовался у Маршалла, как развиваются события и можно ли сказать Сталину, что мы занимаемся подготовкой второго фронта. «Да», – подтвердил генерал. Тогда президент попросил Молотова доложить Сталину, что американцы рассчитывают открыть второй фронт в 1942 году, но не уточнил, где он будет открыт: то ли на северо-западе Европы, как рассчитывал Молотов, то ли где-то еще. Генерал Маршалл четко дал понять, что это следует рассматривать как вероятную возможность, а не как обещание. Он заметил, что «все наши усилия направлены на создание такой ситуации, при которой появится возможность для открытия второго фронта».

Президент полагал, что напряженная ситуация на российском фронте требует от него более убедительного ответа, чем он дал. Он провел очередное совещание с Маршаллом и Кингом относительно того, что еще следует сказать Молотову до того, как тот уедет из Вашингтона. Рузвельт зачитал военным советникам сообщение, которое он собирался отправить Черчиллю, где говорилось, что он больше, чем когда-либо, беспокоится о том, чтобы операция по высадке через Ла-Манш, начавшись в августе, продолжалась до тех пор, пока будут позволять погодные условия. Маршалл высказал мнение, что такая близкая дата начала операции, вероятно, вызовет сопротивление со стороны Британии. Рузвельт предположил, что ему удастся уладить этот вопрос. Таким образом, несколько откорректированное послание отправилось в Англию.

На следующее утро, 1 июня, президент еще раз заявил Молотову, что он рассчитывает открыть второй фронт в 1942 году, уже не упоминая о возможности начать высадку войск в августе. Вместо этого он просто сказал, что если советское правительство сможет пойти на сокращение объемов поставок по ленд-лизу согласно второму протоколу с 4,1 до 2,5 миллиона тонн, то освободившиеся суда можно будет направить в Англию для проведения операции через Канал. Таким образом, удастся раньше открыть второй фронт. Президент заметил, что Советский Союз должен чем-то пожертвовать; нельзя съесть один пирог дважды. На это Молотов возразил, что второй фронт будет сильнее, если первый будет крепко стоять. Он поинтересовался, что произойдет, если советское правительство уменьшит требования, а второй фронт так и не откроется. Когда беседа уже подходила к концу, Молотов опять потребовал более определенного ответа. Со слов очевидцев, президент так отреагировал на вопрос Молотова:

«Наши штабные офицеры проводят сейчас в Лондоне консультации относительно проблем с десантными средствами, продовольствием и тому подобным. Мы рассчитываем открыть второй фронт. Завтра (2 июня) из Лондона прибудет генерал Арнольд, а вместе с ним лорд Маунтбаттен, маршал Портал и генерал Литтл, которые планируют достигнуть соглашения относительно открытия второго фронта. Следует сообщить Сталину, что мы сможем ускорить процесс, если советское правительство сочтет для себя возможным разрешить нам направить больше судов в Англию».

Более четко ответить было невозможно; правда, в этом ответе все возможности выступали на передний план, а все сложности уходили на задний.

В этой истории есть еще один момент. Думаю, что, пока шли переговоры с Молотовым, уже был подготовлен текст официального заявления, которое должно было быть опубликовано одновременно в Вашингтоне и в Москве, по возвращении Молотова

домой. Хотя Государственный департамент практически не принимал участия в переговорах относительно военных планов, именно он дал задание подготовить это заявление. Молотову не понравился текст заявления, и он предложил свой вариант. Согласно его варианту, американское правительство фактически соглашалось открыть второй фронт в 1942 году. Вот текст заключительной части заявления:

«В ходе неофициальных переговоров было достигнуто полное взаимопонимание в отношении неотложных задач, связанных с открытием в Европе второго фронта в 1942 году. Кроме того, обсуждались мероприятия, связанные с увеличением и расширением поставок Соединенными Штатами самолетов, танков и других видов вооружения для Советского Союза...

Обе стороны с удовлетворением отметили единство взглядов по всем вопросам».

Прежде чем вслед за Молотовым мы отправимся сначала в Лондон, а затем в Москву и продолжим дальнейшее обсуждение вопроса, связанного с открытием второго фронта, следует коротко изложить некоторые политические аспекты, затронутые в разговоре президента и Молотова во время пребывания советского министра в Вашингтоне. Они не забывали о том, что идет война, и поэтому серьезно взвешивали каждое слово. О проблеме советских границ, которая в течение долгого времени служила препятствием на пути соглашения с Великобританией, напрямую практически не говорили. 29 мая Молотов поинтересовался у президента, был ли тот осведомлен о содержании соглашения. Президент сказал, что знал о нем и считал удачным то, что соглашение не содержит вопроса границ. В конечном счете этот вопрос будет поставлен на повестку дня, но сейчас не самое лучшее время для его рассмотрения. Молотов спокойно заметил, что его правительство думает иначе, но прислушалось к мнению Британии и с пониманием отнеслось к пожеланиям президента.

Вероятно, Молотов слегка утешался тем, что, хоть ему и пришлось пойти на уступки в этом вопросе, зато он узнал соображения президента относительно послевоенного переустройства; они были подробно изложены во время неофициальных переговоров. Рузвельт изложил свою теорию по поводу того, почему бездействует Лига Наций. Он приписывал это наличию двух серьезных проблем. Первая заключалась в высокой степени ответственности за судьбы многих народов, вторая – в отсутствии скоординированных действий, направленных на охрану государственного правопорядка. Президент указал Молотову несколько путей решения задачи, связанной с поддержанием мира и безопасности, при которых нынешние враги оказались бы обезврежены. Небольшие страны, которые в прошлом показали себя нарушителями мира, и, возможно, даже Франция могли бы подвергнуться некоему подобию контроля. Три основных члена военной коалиции и, вероятно, Китай должны вместе решить, как поступать в подобном случае, и, действуя сообща, решать возникающие проблемы. Таким образом, отметил президент, по крайней мере в течение двадцати пяти лет удастся сохранять мир. Молотов в ответ поинтересовался: не окажется ли много стран, которым не понравятся подобные меры, например, такие, как Турция, Польша, и, безусловно, Франция? Рузвельт допускал, что такое возможно, но он считает, что Франция сможет восстановиться за десять-двадцать лет. Молотов поинтересовался также ролью Китая. В конце беседы Молотов отметил, что идеи президента относительно разоружения, контроля и поддержания порядка полностью реалистичны, известны Сталину и советское правительство будет всецело поддерживать их.

Рузвельт объяснил, что ему хотелось бы ознакомить Молотова и Сталина с еще одной идеей, являющейся плодом его долгих раздумий: «...в мире много островов и колониальных владений, которые, в целях нашей собственной безопасности, следует отобрать у слабых стран. Я полагаю, что Сталин мог бы с выгодой для себя подумать об установлении какой-либо формы международной опеки над этими островами и

колониями».

Молотов согласился, что идея президента об установлении опеки будет, без сомнения, хорошо воспринята в Москве.

Есть все основания надеяться, что подобные обещания американцы искренне собирались выполнять. Но можно предположить, что, раскрывая свои планы перед Молотовым, президент одновременно пытался умерить советские территориальные претензии. Не предлагал ли он с той же целью долговременный послевоенный альянс, чтобы удерживать Германию и Японию под контролем, не давая им возможности обрести прежнюю силу? Не получилось ли так, что он обеспечил защиту России намного более эффективную, чем расширение ее границ? Не предоставил ли он Советскому Союзу возможность действовать в различных частях света за пределами его собственных границ?

Извергая этот поток идей, президент преследовал конкретную цель; преждевременность и небрежность, с какими он говорил об этих проблемах, должны были привести русских в явное замешательство. Давайте еще раз остановимся на политических издержках коалиции.

В соответствии с нотой, которую Гопкинс отправил Винанту, Рузвельт полагал, что визит Молотова прошел «крайне удачно». Когда советский премьер-министр остановился в Лондоне по пути в Москву, Черчиллю показалось, что он вновь поверил в реальность высадки через Ла-Манш в 1942 году. Как уже говорилось, проект все еще находился в стадии рассмотрения, и у Британии «все время возникали незначительные разногласия» с американским штабом. Кроме того, Черчилль заявил, что не будет никакого вреда от опубликования официального заявления, которое Молотов обсуждал в Вашингтоне, и что, возможно, это заставит немцев поволноваться. 11 июня было опубликовано это заявление, содержащее слова, которые можно было трактовать двояко: «В ходе неофициальных переговоров было достигнуто полное взаимопонимание относительно неотложных задач, связанных с открытием в Европе второго фронта в 1942 году».

11 июня 1942 года это коммюнике было опубликовано Белым домом. В этот же день, после того как Идеи объявил о договоре с Советским Союзом, министерство иностранных дел опубликовало коммюнике, касающееся не только самого соглашения, но и остальных тем переговоров. В отношении второго фронта были использованы те же выражения, что и в американском заявлении, – «было достигнуто полное взаимопонимание» и так далее. 12 июня советское правительство опубликовало два заявления. Одно касалось переговоров в Лондоне, и главным образом соглашения, другое – переговоров в Вашингтоне относительно второго фронта.

Именно в этот день британский военный кабинет принял решение, что операция по высадке через Ла-Манш будет осуществляться только в случае выполнения всех требуемых условий. По всей вероятности, именно по этой причине Черчилль сделал все возможное, чтобы текст официального заявления не рассматривался как окончательное и бесповоротное решение. Он лично передал Молотову меморандум в адрес советского правительства в следующей редакции: «Мы ведем приготовления для высадки на континент в августе или сентябре 1942 года. Как уже объяснялось, отсутствие необходимого количества транспортных судов ограничивает масштабы операции по высадке десанта. Однако понятно, что мы не будем любой ценой участвовать в операции, которая может закончиться катастрофой, и не допустим, чтобы у врага появилась возможность торжествовать победу. Нельзя заранее сказать, окажется ли эта операция выполнимой. *А поэтому мы не можем давать обещаний*, но, как только убедимся в подготовленности этой операции, без колебаний приступим к ее выполнению».

Помимо этого, Молотов уже не раз слышал разговоры британских и американских военных, в которых они выражали серьезные сомнения относительно возможности успешного вторжения через Ла-Манш в 1942 году. Но пока еще, и в общих и в частных беседах. Молотов продолжал вести себя так, как будто вопрос был практически решен. Поэтому, выступая 18 июня на внеочередной сессии Верховного Совета, приуроченной к

его возвращению из Лондона. Молотов начал выступление со слов Идена, сказанных государственным секретарем при подписании соглашения: «Никогда прежде в истории двух наших стран не наблюдалось такого тесного сотрудничества и взаимопомощи, как сейчас». А далее Молотов продолжил: «Как и следовало ожидать, серьезное внимание на переговорах в Лондоне и в Вашингтоне уделялось проблемам второго фронта. Результатом этих переговоров явились англо-советское и советско-американское коммюнике. В обоих коммюнике отмечается, что в процессе переговоров „достигнуто полное взаимопонимание относительно неотложных задач, связанных с открытием в Европе второго фронта в 1942 году...“ Будем надеяться, что наш общий враг скоро на собственном опыте испытает результаты все возрастающего военного сотрудничества трех великих держав».

Адмирал Стэндли, американский посол в Советском Союзе, на следующий день застал Молотова, придающего особое значение заявлению относительно второго фронта, откровенно ликующим. «Это может означать победу в войне в 1942 году, а уж в 1943-м – наверняка, – говорил он, находясь в Вашингтоне». Советская пресса и радио уверяли советских людей, что операция по высадке войск вот-вот начнется.

События, происходившие в тот момент, объяснить не так-то просто. По всей вероятности, сообщениям о том, что Япония готовится напасть на Россию, Вашингтон доверял только наполовину. Но вероятно, опираясь на ошибочные донесения военной разведки, президент начал действовать слишком поспешно. Возможно, он разглядел шанс предпринять действия, которые докажут Сталину, что Соединенные Штаты настоящий союзник, хотя до сих пор и не облегчили положение Красной армии, высадившись во Франции.

17 июня, через шесть дней после опубликования заявления относительно второго фронта, Рузвельт отправил Сталину послание, в котором говорилось, что есть все основания полагать, что японцы собираются приступить к осуществлению операций в советских территориальных водах. «Мы готовы, – говорилось в послании, – в случае нападения оказать вам поддержку с воздуха». Президенту было приятно узнать от Литвинова, что Сталину понравилась идея полетов американской авиации с Аляски на западный передний край через север России. Ввиду безотлагательности этих вопросов президент предлагал Объединенному штабу немедленно начать проведение секретных переговоров.

Не имея никакой информации относительно нападения японцев на Советский Союз, Сталин мог решить, что президент пытается тем самым отвлечь его внимание от Франции, и потому в течение двух недель никак не реагировал на послание президента. Тем временем посол Стэндли решил предупредить президента, направив ему послание следующего содержания: «Принимая во внимание, что народ и советское правительство поверили в серьезность обязательств со стороны Соединенных Штатов и Великобритании в части открытия второго фронта в 1942 году, я уверен, что, если в скором времени фронт не будет открыт, вера этих людей в наше искреннее желание оказать помощь России и действовать сообща будет окончательно подорвана, что нанесет невероятный вред антигитлеровской коалиции».

На следующей неделе на званом дипломатическом обеде Молотов высказался еще более откровенно относительно открытия второго фронта, заявил, что это была проверка цены соглашения с Британией и что невыполнение «англосаксонских обещаний» вызовет огромное разочарование. 1 или 2 июля Сталин ответил на послание Рузвельта относительно оказания помощи Советскому Союзу на Дальнем Востоке, но проигнорировал предупреждение президента о возможном нападении японцев на Приморье. Согласившись с планом полетов по маршруту Аляска – Сибирь, Сталин тем не менее ясно дал понять, что хочет, чтобы над советской территорией летали русские, а не американские, летчики. Независимо от того, будет ли открыт второй фронт во Франции, Сталин вел себя весьма осмотрительно, опасаясь спровоцировать Японию.

Фактически Сталин и Молотов не были твердо уверены в том, что второй фронт на западе будет открыт в 1942 году. 2 июля в беседе со Стэндли, касающейся военных вопросов, Сталин сухо заметил, что «желание» иметь второй фронт и его «наличие» – суть разные вещи. Молотов полностью согласился с этим. Как казалось Рузвельту, Черчиллю и Идеи хотели обезопасить себя и поэтому попросили Кларка Керра дать знать Молотову, что британское правительство обеспокоено тем, что он со все возрастающей уверенностью говорит об открытии второго фронта как о чем-то окончательно решенном. 14 июля Кларк Керр передал эти опасения Молотову. На это Молотов весьма дружелюбно заметил, что большинство из того, что он сказал на званом обеде, весьма «субъективно». Во время пребывания в Лондоне проблемы, касающиеся второго фронта, были ему абсолютно понятны и вполне предсказуемы. В порядке извинения Молотов подчеркнул, что в разговоре с советским главнокомандующим и речи не шло о каких-либо обещаниях; он просто обозначил те надежды, которые советская армия и весь советский народ возлагают на открытие второго фронта, и Россия, естественно, почувствовала уверенность после опубликования заявлений в Лондоне и Вашингтоне.

Теперь мы видим, что фактически с середины июля стало бессмысленно надеяться на реальность высадки на континент в 1942 году, а вскоре за этим было принято решение в пользу высадки в Северной Африке. Несмотря на опасения со стороны американцев, что такое решение подорвет доверие к Соединенным Штатам и вызовет нежелательные вопросы в Москве, рискованное предприятие относительно высадки на континент было отложено на будущее. Кроме того, оба западных лидера пришли к мрачному выводу, последствия которого еще скажутся, что конвои, осуществляющие военные поставки для России и идущие мимо Норвегии в Мурманск, в связи с белыми ночами должны быть приостановлены на летнее время.

Черчилль решил, что должен лично отправиться в Москву, чтобы объяснить, почему нельзя выполнить операцию, которую более всего жаждет Россия, и сообщить новости относительно предполагаемой североафриканской кампании.

17 июля премьер-министр направил послание с объяснением принятого решения относительно приостановки северных конвоев. Отсюда следовало, что театр военных действий переносится на юг, а не на континент. Сталин, возможно, прекрасно представлял, какой спор идет между американским и британским штабами, и быстро просчитал его результат. Его ответ Черчиллю от 23 июля отражает понимание того, что предложенная в 1942 году операция высадки через Ла-Манш откладывается. Он объявил Черчиллю, что догадался об этом из послания премьер-министра и «боится, что не уделяется должного внимания вопросу создания второго фронта в Европе. Принимая в расчет теперешнее положение дел на советско-германском фронте, я вынужден констатировать, что советское правительство не может согласиться с переносом открытия второго фронта в Европе на 1943 год».

В послании от 29 июля Рузвельт согласился с Черчиллем, что следует ответить в мягком тоне и что они всегда должны «помнить о характере нашего союзника и о весьма сложной и опасной ситуации, в которой он оказался... Я полагаю, что в первую очередь следовало бы объяснить ему, какой стратегический курс мы выбрали в 1942 году („Торч“). Думаю, что, не вдаваясь в лишние подробности, следует поставить их в известность о самом факте предполагаемых операций».

Поэтому Черчилль не стал оправдываться в ответ на обвинения со стороны Сталина. Он понял, что необходимо более полно ознакомить Сталина с военными возможностями и ресурсами Британии, полностью сформулировать причины, на основании которых было принято решение о невозможности проведения операции по вторжению через Ла-Манш в 1942 году, и объяснить значение операции «Торч». Он надеялся, что с пониманием этих проблем Советский Союз перестанет подозревать, что Великобритания и Соединенные Штаты недобросовестно относятся к взаимному сотрудничеству, что, в свою очередь, положительно скажется на дальнейшем ведении войны. Недовольный ходом кампании на

Среднем Востоке, Черчилль планировал дойти до Каира и взять этот регион под британское военное командование.

Премьер-министр задумал поехать в Москву, захватив с собой руководство военного штаба. Все получилось как он и планировал: Сталин пригласил Черчилля приехать «для совместного обсуждения неотложных вопросов, возникших в ходе войны против Гитлера».

Отправляясь с миссией в Москву, Черчилль не рассчитывал на участие американцев в переговорах со Сталиным. Рузвельт был готов отправить Черчилля, чтобы тот давал объяснения, приняв всю вину на себя. Находясь в Лондоне, Гарриман прекрасно понимал, что английскую делегацию, оказавшуюся без какой-либо поддержки со стороны Америки, ждет в Москве суровое испытание. Во время апрельского визита Молотова в Вашингтон американцы откровенно говорили ему о различии в позициях относительно ведения войны в Европе между ними и британцами. Гарриман опасался, что Сталин мог легко догадаться, что американское и британское правительства не были единодушны относительно большинства военных решений. Поэтому ему пришло в голову, что, если какой-нибудь американский чиновник будет присутствовать во время переговоров Черчилля и Сталина, то реакция советской стороны, возможно, окажется положительнее. Исходя из таких соображений он предложил президенту свою кандидатуру для поездки вместе с Черчиллем в Москву. Президент сомневался в необходимости этого шага и опасался, что Гарриман будет рассматриваться как «наблюдатель», которого, по всей вероятности, приставили, чтобы следить за Черчиллем и Сталиным. Но когда Черчилль передал президенту, что был бы «крайне признателен, получив вашу поддержку во время переговоров с Дядей Джо. Не могли бы вы отправить со мной Аверилла? Думаю, что все пройдет легче, если мы будем там все вместе», президент тут же ответил: «Я попрошу Гарримана отправиться в самое же ближайшее время в Москву. Полагаю, что вы правы, и я предупрежу Сталина, что Гарриман будет в его и вашем полном распоряжении».

Черчилль прежде не встречался со Сталиным. Во время перелета премьер-министр пришел к выводу, что его миссия «напоминает перетаскивание огромной ледяной глыбы на Северный полюс». С целью удачного выполнения возложенной на него задачи Черчиллю пришлось вытеснить из сознания соображение о том, что до нападения Германии на Россию советские лидеры, по его собственному выражению, «...стали бы равнодушно наблюдать, как нас будут теснить с занимаемых территорий, а затем поделят с Гитлером наши владения на Востоке».

Кроме того, Черчиллю требовалось в полной мере использовать свое природное красноречие. Предстоящие переговоры предполагали принципиальные различия относительно прошлых событий и того, что следует каждому из них ожидать в будущем. Следовало соблюдать величайшую осторожность, чтобы его миссия не разбилась об эти скалы.

Опасения Черчилля были вполне оправданы. Несколько раз из-за грубости Сталина и ответного гнева Черчилля беседа грозила прерваться. Присутствие Гарримана прибавляло значимость словам Черчилля, а его невозмутимость оказывала благотворное влияние на ход переговоров.

Первые два часа первого дня переговоров, 12 августа, запомнились Черчиллю как «холодные и мрачные». По словам Сталина, обстановка на Восточном фронте была крайне тяжелой. Он пояснил, какие огромные усилия предприняли немцы для прорыва к Баку и Сталинграду, стянув войска со всей Европы, и подчеркнул, что у него нет уверенности, что русским удастся остановить их. Даже вокруг Москвы, где положение предельно ясно, он не может гарантировать, что немецкую атаку удастся отразить. Правда, в последующих беседах мнение Сталина относительно военных перспектив и способности противостоять немецким завоевателям постепенно становилось все более четким и уверенным. Стоило задуматься: а может, вначале все было представлено в мрачном свете не случайно? Кто не воспользуется любой возможностью ради

продвижения праведного дела?

После описания Сталиным боевой обстановки Черчиллю стало еще труднее сообщить то, ради чего он появился в Москве. И все-таки он решил, что будет лучше сделать это немедленно. Выслушав Сталина, Черчилль прямо заявил: «Британское и американское правительства не могут взять на себя обязательства относительно проведения решающей операции в сентябре, поскольку это последний месяц, когда еще можно рассчитывать на хорошую погоду. Но, как известно Сталину, они готовятся к широкомасштабной операции в 1943 году».

Сталин помрачнел; слова Черчилля не убедили его. Он, вероятно, решил, что британцы боятся немцев и пытаются избежать платы за то, что, с его точки зрения, было естественной ценой войны.

Когда Черчилль остановился на трудностях и огромных, бессмысленных потерях, которые, по его мнению, явятся результатом преждевременной попытки пересечь Ла-Манш, Сталин прервал премьер-министра: «В конце концов, это ведь война». На что Черчилль ответил: «Война еще не означает безрассудства, а будет полным безрассудством навлекать на себя несчастья...» В ответ последовало гнетущее молчание. Наконец Сталин прервал его, заявив, что, если британцы и американцы не могут совершить высадку во Франции в этом году, он не имеет права требовать или настаивать на этом, но обязан сказать, что не согласен с доводами Черчилля.

Тогда Черчилль, не отреагировав на грубость, принялся с энтузиазмом описывать, какую помощь его страна и Соединенные Штаты смогут оказать в 1942 году Советскому Союзу. Первым делом он остановился на плане, предусматривающем расширение и увеличение количества бомбардировок Германии. Нарисованный Черчиллем будущий план нанесения разрушительных ударов по противнику произвел положительный эффект. В дальнейшем переговоры протекали в более сердечной атмосфере. Гарриман отметил это обстоятельство в докладе президенту.

Затем Черчилль объяснил огромное значение североафриканской экспедиции, благодаря которой Германия будет вынуждена обратить все внимание в эту сторону. В сентябре британская армия захватит Египет. Вскоре после этого она выбросит десант в Западном Средиземноморье. Вся Северная Африка в конце года окажется под военным контролем Америки и Британии. После этого они смогут угрожать оттуда гитлеровской Европе одновременно с нападением через Ла-Манш в 1943 году. Для того чтобы лучше объяснить, почему он считает, что операция в Северной Африке исключительно важна для нанесения удара по Германии, Черчилль сравнил операцию в Средиземноморье с ударом «в низ живота», поскольку морда уже разбита. Дальновидная стратегия Черчилля принесла свои результаты; Сталин, вероятно, поверил, что всего можно будет добиться с помощью операции «Торч», но терялся в догадках относительно того, что он называл политической основой операции, поскольку был обеспокоен тем, как бы французское Сопротивление или испанское вмешательство не разрушили этот план.

Черчилль продолжал расписывать возможные перспективы. Он говорил, что Британия или Британия и Америка могут направить боевую авиацию на южный участок Западного советского фронта. Сталин ответил, что с благодарностью примет эту помощь.

Оба, и Черчилль и Гарриман, закончили первую встречу с чувством облегчения, поскольку неприятные новости были сообщены и они, по всей видимости, не нанесли ощутимого вреда отношениям с Советским Союзом. Вот как впоследствии Черчилль описал это событие: «Он (Сталин) уже узнал наихудшее, и мы теперь находились в доброжелательной обстановке».

В докладе Гарримана президенту говорилось следующее:

«Я убежден, что, несмотря на то что Сталин остался сильно разочарован нашей несостоятельностью в роли серьезных военных помощников и подверг нас, а в особенности Британию, резкой критике, на протяжении всего вечера я чувствовал, что он обдумывает, как ему поступить с двумя государствами, с

которыми он связан обязательствами, и что он способен на откровенный обмен мнениями с Вами и премьер-министром, не опасаясь, что это может разрушить ваши взаимоотношения. Он ни разу не выказал каких-либо признаков того, что любое действие или, наоборот, бездействие в нашем общем деле может оказать существенное влияние на взаимопонимание».

Однако на завтра днем, во время переговоров с Молотовым, и вечером, со Сталиным, от вчерашних впечатлений не осталось и следа. Молотов напомнил Черчиллю о том, что было сказано им в Вашингтоне и Лондоне относительно второго фронта и затем опубликовано в заявлениях. Черчилль собирался провести вторую встречу со Сталиным наедине, но выяснилось, что Сталин потребовал, чтобы Гарриман опять присутствовал при их переговорах. Сталин предъявил каждому из них собственноручно подписанные копии официальных памятных записок. Эти записки убедительно свидетельствовали о несогласии Советского Союза с решениями, принятыми накануне вечером, когда казалось, что Сталин отнесся к ним наилучшим образом. В записке говорилось, что советское правительство по-прежнему считает, что вопрос с открытием второго фронта был решен еще во время визита Молотова в Лондон, на основании этих предположений советский главнокомандующий планировал летние и осенние выступления; отказ выполнить эту программу вызывает возмущение общественного мнения Советского Союза и осложняет положение Красной армии. В документе в очередной раз говорилось, что для открытия второго фронта наиболее предпочтителен 1942 год, пока вся немецкая армия сконцентрирована на Западном фронте, за исключением небольших частей, находящихся в других местах. Записка заканчивалась цветистыми извинениями Сталина в том, что он не в состоянии убедить Черчилля и Гарримана в своей правоте.

Оба визитера и тогда, и позже задавались вопросом о причинах столь внезапной перемены. На этот счет было множество различных предположений. Может быть, Сталин просто составил записку для защиты от собственных оппонентов и для возможного использования на будущих переговорах? Или он воздавал должное мнениям других членов политбюро и военного штаба? Или полагал, что подобный протест может послужить причиной того, что британцы и американцы изменят свои планы? Узнать это теперь уже невозможно.

После прочтения меморандума Сталин продолжил обострять обстановку. Он заявил, что Британия не должна бояться немцев. Если британская пехота будет сражаться, как русские солдаты и, как он вскользь заметил, Королевские ВВС, Британия поймет, что немцы не могут превзойти ее; солдаты должны проливать кровь. Черчилль спокойно ответил, что он выслушал это своеобразное замечание только из уважения к храбрости русской армии. Можно было заметить, что Сталин не учитывал разницу между борьбой с захватчиками на собственной и на чужой территории, да еще и перепрыгнув моря и океаны. Не говоря уже о том, что Советский Союз мог позволить себе потерю миллионов мужчин, в то время как Англия, из-за потерь в Первой мировой войне, не имела такой возможности.

О своей реакции на продолжающиеся нападки со стороны Сталина Черчилль позже написал следующее: «Я сразу, не позволяя себе никаких колкостей, отражал все его удары».

Временами Черчилль даже не давал переводчику возможности закончить перевод, мгновенно реагируя на сделанное Сталиным очередное замечание. Гарриман, которого Черчилль попросил высказать свое мнение, однозначно дал понять, что решение относительно вторжения на континент может быть принято только после тщательного изучения. Он сообщил, что президент придерживается такого же мнения и считает, что это также и в интересах Советского Союза.

На следующий день Черчилль и Гарриман дали письменные ответы на записку Сталина. В своем ответе Гарриман, предварительно ознакомившись с ответом Черчилля, пишет, что он лишь хочет добавить следующее: «Я понимаю, что должен вновь

подтвердить его (Черчилля) заявление, что никаких обещаний относительно второго фронта не было нарушено».

Этим же вечером Сталин в резкой форме высказался относительно задержки с военными поставками для Советского Союза. Он заявил, что советское правительство выражает искреннюю признательность за все ранее осуществленные поставки и за те, что были обещаны, но многие из уже подготовленных программ не были осуществлены, поэтому фактически Советский Союз получил весьма незначительную часть обещанной Соединенными Штатами и Великобританией помощи. Это недовольство имело под собой реальную основу. Объем грузов, фактически полученных Советским Союзом, оказался значительно меньше предусмотренного договором.

Но все-таки упреки Сталина были не совсем справедливы; Советский Союз получил огромные объемы вооружения и товаров, которые советская армия использовала во время зимней и весенней кампаний.

Начиная с середины 1942 года мы поставили более двух тысяч легких и средних танков и тысячу триста самолетов. Британия отправила еще больше: свыше двух тысяч четырехсот танков и более тысячи восьмисот самолетов. Поставленные нами грузовые автомобили и джипы нашли широкое применение в период летнего наступления немцев. Без телефонного и телеграфного оборудования, отправленного Соединенными Штатами, советская армия не смогла бы осуществлять связь на всем двухтысячестыльном протяжении фронта. Тонны кожаной обуви и несколько миллионов пар армейских ботинок, изготовленных в Америке, позволили русским солдатам выстоять в жуткие морозы во время зимней кампании и в страшную распутицу весенней кампании.

В ответ на упреки Сталина Черчилль возразил, что британцы и американцы должны были всего лишь размещать поставки, предназначенные для Советского Союза, в британских портах. Несмотря на это, британское правительство сделало все возможное, чтобы доставить грузы в Советский Союз, но северные конвои подверглись столь разрушительным нападениям, что до адресата дошла только часть обещанного. Фактически из последнего конвоя до места назначения дошла только треть кораблей, и все же было предложено отправить в сентябре следующий конвой. Сталин посчитал, что эта причина не может служить объяснением недопоставок в их адрес. Он дал понять, что, если британцы и американцы осознали бы всю тяжесть положения и предприняли достаточные усилия, то смогли бы значительно увеличить поставки, но они не будут этого делать, поскольку не понимают всю важность советского фронта, а потому и посылают только то, что у них есть в запасе. Черчилль и Гарриман возмущенно отвергли такое предположение.

Тем не менее Сталин невозмутимо повторил то, что уже говорил вечером: у него нет выбора, и приходится согласиться с опровержениями британской и американской сторон. И затем внезапно, практически в продолжение предыдущей фразы, пригласил Черчилля на завтрашний обед. Черчилль, поблагодарив за приглашение, объяснил, что на рассвете следующего дня возвращается домой. Сталин запротестовал: «К чему такая спешка? Ведь вы выполнили все, что было запланировано?» Из ответа Черчилля было ясно, насколько он оскорблен. Он заявил Сталину, что, по его мнению, нет даже намека на дружеские отношения между ними. Сталин сказал, что расслабился, почувствовав дружескую обстановку настоящего мужского разговора, и думал, что остальные чувствуют то же самое. Таким образом, этот неприятный разговор, служивший проверкой в части добросовестного выполнения обязательств, закончился мирно. Потребность друг в друге возобладала над взаимными недовольствами и обидами.

Черчилль, в отчете для военного кабинета по поводу этой беседы, писал, что, по всей видимости, Сталин, в глубине души признавая правильность предложенного решения, может, был вынужден так говорить и поэтому позже исправился. Британцы и американцы пытались заставить советских партнеров оценить их усилия, понять, как много они делают и еще предполагают сделать, чтобы переложить тяжесть войны на себя. Военные

трех государств вновь начали прорабатывать вопрос вторжения через Ла-Манш.

Вечером 15 августа у Черчилля состоялся последний разговор со Сталиным, обернувшийся дружеской беседой, продолжавшейся до рассвета. В первый и последний раз Черчилля принимали в кругу семьи; за столом хозяйничала дочь Сталина, и Черчилль, весело подшучивая, отвечал на все вопросы. Но как показало время, это никоим образом не повлияло ни на принятие новых решений, ни на установление доверительных отношений, но в то же время, лишив спор прежней остроты, партнеры снова почувствовали себя комфортно друг с другом. На редкость легко и естественно родилось совместное заявление, которое вновь подтвердило существование тесной дружбы между Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами.

Рузвельт по-прежнему стремился провести подобную личную встречу со Сталиным, как только будут закончены выборы в США и он сможет освободиться. Сталин заверил, что разделяет желание президента. Сославшись на предыдущий обмен посланиями, Гарриман объяснил Сталину, что президент будет рад любой возможности встретиться с ним. Тогда Сталин повторил, что согласен, заметив: «Это крайне важно». Они продолжили переговоры относительно того, где и когда подобная встреча может иметь место. Сталин предположил, что на Дальнем Востоке или в Западной Европе, и тут же заметил, что не будет слишком занят военными вопросами зимой, в отличие от остального времени года. Гарриман объяснил, что президент не пользуется воздушным транспортом; он рассматривает в качестве возможного места встречи Алеутские острова, но из-за японцев сделать это сейчас не представляется возможным. Тогда Сталин предложил в декабре встретиться в Исландии. Гарриман дал понять, что это может быть приемлемым для президента, но слишком опасным для Сталина. На что Сталин возразил – для этого путешествия у него имеются отличные самолеты.

15-го, во время обеда, Черчилль упомянул о встрече Сталина и Рузвельта; если она состоится зимой, Сталину придется решать проблемы с полетом. Но Сталин вновь продемонстрировал упорство, заявив, что встреча должна состояться во что бы то ни стало. Тогда Черчилль признался, что тоже хотел бы присутствовать на этой встрече. Сталин согласился, что было бы просто здорово, если бы они встретились все вместе. На тот момент тема была исчерпана. Гарриман сообщил президенту, что, безусловно, Сталин приложит все усилия, чтобы встретиться с ним в любом месте и в любое время. Но, как впоследствии станет ясно, когда дошло до дела, Сталин отказался покидать Россию ради встречи с партнерами в Касабланке.

Деятельность коалиции: до и после операции «Торч»

Узнав от Черчилля о результатах посещения Москвы, Рузвельт немедленно отправил письмо Сталину. В который раз выразив сожаление по поводу того, что не смог присутствовать на встрече, он рассказал о ходе подготовки операций в западной части Тихого океана и далее сообщил следующее: «С другой стороны, я прекрасно понимаю, что настоящим врагом наших государств является Германия, и в самое ближайшее время от наших стран потребуется направить все силы на борьбу против Гитлера. Сразу как только удастся подготовить транспортные средства, все будет сделано, можете в этом не сомневаться... Дело в том, что Советский Союз несет на себе основную тяжесть войны, мы прекрасно знаем потери, постигшие вас в 1942 году... Как только появится малейшая возможность, мы тут же придем вам на помощь, и я надеюсь, что вы верите моим словам».

В своем ответе от 22 августа Сталин обошел этот вопрос молчанием. В конце концов, его просто поставили в известность. Сталин и его окружение внимательно следили за действиями союзников в части выполнения ими всех пунктов обширной программы, которую представил им Черчилль во время своего визита в Москву.

Вот систематизированный перечень пунктов, в дополнение к операции в Северной

Африке:

1. Бомбардировки Германии.
2. Ввод в боевой состав южной части советского фронта британо-американских воздушных сил.
3. Возобновление северных конвоев в Советский Союз.
4. Упорядочение движения поставок на южном направлении от Персидского залива до советской границы.
5. Увеличение и бесперебойность поставок по ленд-лизу.
6. Возможное нападение на германские позиции в Норвегии.

Русские оценили все предпринятые в отношении этих мер действия и требовали, чтобы Запад оказал им помощь до того, как они исчерпают силы в борьбе.

Британия наращивала силу ночных бомбардировок Германии. Для британских ВВС это был период изучения новой техники, в особенности радиолокационной, которая впоследствии добавила большую эффективность их массированным атакам. Для американской стратегической авиации это был тяжелый период. Ко всем огорчениям, ради выполнения других неотложных заданий пришлось отложить дневные вылеты.

Черчилль скептически относился к целесообразности дневных бомбардировок, на которые были нацелены американские ВВС, размещавшиеся в Англии. Он и его коллеги активно выступали против этих действий, и вот в чем крылась причина: «Безусловно, ужасно, что за все последние шесть месяцев 1942 года ничего не вышло из этого колоссального напряжения сил, абсолютно ничего; ни одной бомбы не было сброшено на Германию».

Большие усилия были потрачены на расчистку пути для операции «Торч»: бомбардировка мест стоянок немецких подводных лодок в Бискайском заливе, размещение заводов по производству и ремонту самолетов во Франции и защита морских путей в Северную Африку.

Пока еще слишком молодой британо-американский военно-воздушный союз совершенствовался и проходил проверку. Понимание этих моментов требовало отложить на время операцию по высадке через Ла-Манш.

Идея отправки британских и американских истребителей и транспортных самолетов на южный участок советского фронта для удержания линии вдоль Кавказских гор и побережья Черного моря зародилась у Черчилля еще до поездки в Москву. В июле, когда только еще рассматривался вопрос о приостановке северных конвоев, премьер-министр ознакомил с ней Сталина. Президент согласился с предложенным проектом. Во время переговоров со Сталиным Черчилль, с одобрения Гарримана, выдвинул этот проект на первый план. Он объяснил, что для Британии, как и для Советского Союза, жизненно важно добиться того, чтобы не позволить Германии атаковать с юга, поскольку в противном случае Германия получит свободный доступ к Персидскому заливу. Под ударом окажутся британские силы, находящиеся на Среднем Востоке, и станет возможным наступление объединенных сил Японии и Германии против Индии. Несмотря на все предпринимаемые Рузвельтом попытки разубедить его совершать подобные действия, Черчилль заявил, что все будет зависеть от хода сражения в Египте; эскадрильи будут поставлены только в том случае, если британцы вытеснят Роммеля. Сталин не возражал, понимая, что в первую очередь следовало позаботиться о нуждах Британии. Он заявил, что будет рад получить помощь, предусмотренную соглашением, и добавил, что, получив истребители и бомбардировщики, сделает все от себя зависящее, чтобы предоставить им возможность принять участие в сражениях.

Вскоре после возвращения из Москвы, 30 августа, Черчилль представил на рассмотрение Рузвельту проект создания совместных американо-британских воздушных сил. Америка должна была предоставить группу тяжелых бомбардировщиков, располагавшуюся на тот момент на Среднем Востоке, и группу транспортных самолетов, не менее пятидесяти штук, из Соединенных Штатов. На тот момент планировалось, что,

как только позволит ситуация в Западной пустыне, самолеты и экипажи будут переброшены из Египта в район Баку-Батуми, что, по всей видимости, произойдет приблизительно через два месяца, в начале ноября. Предполагалось, что этого времени окажется достаточно для того, чтобы эти силы приняли участие в зимней кампании в предгорьях и горах Кавказа. Рузвельт сообщил Черчиллю, что программа его устраивает и он попытается сделать все, что от него требуется. Оба генерала, Маршалл и Арнольд, командующие объединенными ВВС, на самом деле не были уверены в необходимости предпринимаемых усилий. Хотя в конце августа-начале сентября эта воздушная экспедиция на Кавказ находилась все еще в стадии проработки в Вашингтоне, как, впрочем, и операция «Торч», вопрос о необходимости приостановки северных конвоев в Россию опять вышел на первый план.

Перед тем как продолжить рассказ, давайте вернемся к тем усилиям, которые предпринимались для решения вопроса с конвоями, с тем чтобы вся картина предстала в истинном свете. За все время с начала войны немецкие подводные лодки являли собой наибольшую угрозу на морских коммуникациях Англии и России. На счету был каждый военный корабль, не только для защиты водных маршрутов в Атлантике, но и для того, чтобы сдерживать наступление Японии. Каждое потопленное торговое судно означало сокращение боевой мощи, а потеря каждой партии оружия или боеприпасов добавляла лишние сложности солдатам.

Северный путь в Россию огибал северную оконечность Норвегии и проходил через Баренцево море в Мурманск. На этом маршруте использовались примерно три четверти британских и американских кораблей. Вольнонаемные матросы из Норвегии составляли большую часть команды. В марте 1942 года появились серьезные проблемы, связанные с воздушными атаками немецких самолетов, базирующихся в Норвегии, и нападениями немецких подводных лодок. Кроме того, существовала постоянная угроза со стороны надводных кораблей Германии, включая «Тирпиц», сосредоточенных в этом районе.

Отправленный в конце марта 1942 года конвой «PQ-13» потерял пять из девятнадцати грузовых кораблей. Большая часть кораблей следующего конвоя «PQ-14» была остановлена льдами и повернула обратно, не достигнув опасной зоны; только восемь из двадцати трех кораблей добрались до Мурманска. Два следующих конвоя, «PQ-15» и «PQ-16», отправились, соответственно, в апреле и мае и, несмотря на мощное прикрытие с моря, сильно пострадали. Корабли сопровождения тоже получили серьезные повреждения. Однако по настоянию Рузвельта британцы в течение мая – июня предприняли огромные усилия для доставки крайне необходимых военных грузов, подвергая риску имеющиеся морские ресурсы. Черчилль убеждал все службы, что не только Сталин, но и Рузвельт будет невероятно огорчен прекращением конвоев, и отмечал следующее: «Операция будет оправдана, если дойдет даже половина конвоя. Будет большой ошибкой с нашей стороны попытаться ослабить влияние на наших основных союзников».

Но самая страшная участь постигла следующий конвой «PQ-17», состоявший из тридцати четырех торговых судов, двадцать два из которых были американскими, в составе большого морского эскорта 27 июня прибывший из Исландии в Архангельск. Из-за неправильно истолкованных флотских приказов конвой рассредоточился, и двадцать три судна из тридцати четырех утонули. Из двухсот тысяч только семьдесят тысяч тонн груза добрались до советского порта. В связи с этим Британское адмиралтейство внесло предложение на летний период расформировать конвои. В послании от 17 июля, о котором уже упоминалось ранее, Черчилль с огромным сожалением сообщил Сталину, что северные конвои приостанавливаются до наступления полярной ночи. Но, чтобы как-то решить проблему, британское правительство решило часть кораблей и груза, предназначенных для северного направления, направить по южному пути.

Ответ Сталина, как впоследствии написал Черчилль, был «резким и грубым». Он был расстроен не только сообщением о приостановке конвоев, но и собственными

предположениями или секретными сведениями относительно переноса сроков операции по высадке через Ла-Манш; это решение было принято днем раньше. В своих воспоминаниях Сталин пишет, что в любом случае «наши морские эксперты посчитали причины, выдвинутые британскими морскими экспертами для оправдания приостановки конвоев в северные порты СССР, абсолютно неубедительными».

Рузвельт согласился с Черчиллем, что лучше не отвечать на это грубое послание. Так они и поступили. В августе военно-морской флот Соединенных Штатов отправил со специальной миссией собственный конвой. В ответ на настойчивую просьбу Сталина крейсер «Таскалуса» и два эскадренных миноносца, полностью укомплектованные в Шотландии боеприпасами, радиолокационным оборудованием, медикаментами и другими необходимыми вещами, стремительно направились в сторону России.

Следом в сентябре был отправлен конвой «PQ-18» в сопровождении невероятно большого морского и воздушного эскорта. И даже несмотря на это, до цели дошли только около двух третей всех судов. Одновременно с большими потерями на северном маршруте большое количество судов потонуло в Атлантике. В связи с этим Британское адмиралтейство пришло к заключению, что двойная нагрузка слишком обременительна; к тому моменту уже была сформирована североафриканская экспедиция. Крайне огорченный таким решением, Черчилль тем не менее был вынужден согласиться.

Премьер-министр считал, что русские должны как можно скорее узнать об этом решении, поскольку оно способно повлиять на их военные планы. Поэтому 22 сентября он решил выяснить мнение президента относительно того, стоит ли информировать Сталина о вынужденной приостановке конвоев. В ответе от 27 сентября президент согласился с тем, что «существующая реальность вынуждает нас отказаться от отправки „PQ-19“».

Правда, президент предложил немного подождать с сообщением, поскольку через десять дней (как предполагалось) военно-воздушные силы придут на Кавказ и будет лучше одновременно проинформировать Сталина по этим двум вопросам. Черчилль согласился с этим предложением.

Спустя несколько дней, 5 октября, Рузвельт направил послание Черчиллю, в котором просил не сообщать Сталину неприятные новости. Вместо этого он советовал направить в Мурманск корабли, уже готовые к отправке, но не в качестве одного большого конвоя, а отдельными группами по два-три судна. Кроме того, президент предложил незамедлительно сообщить Сталину о том, что для участия в боях на Кавказе будут отправлены эскадрильи ВВС. Рузвельт предложил вернуть все самолеты, которые могли бы подойти для этой цели, со Среднего Востока, а ВВС Соединенных Штатов возьмет на себя обеспечение тяжелыми бомбардировщиками.

Легко понять причины быстрой смены настроений президента. На протяжении последних недель резко ухудшилась ситуация под Сталинградом. Сталин утверждал, что в значительной степени это связано с тем, что немцы превосходят Россию в воздухе и что советская армия испытывает недостаток в самолетах, особенно в истребителях. Советское правительство объясняло народу, что их тяжелое положение в значительной степени связано с нежеланием союзников оказать необходимую помощь Советскому Союзу и решить вопрос с открытием второго фронта. 6 октября в беседе с послом Стэндли Сталин четко оговорил приоритетность советских потребностей. В это время в Москве находился Ф. Брэдли, генерал армии ВВС, направленный сюда в соответствии с соглашением, достигнутым Рузвельтом и Сталиным, для выяснения возможности транспортировки в Сибирь с Аляски самолетов, поставляемых России по ленд-лизу. Он встретился со Сталиным. Довольно быстро Сталин повернул разговор к теме, вызывающей у него наибольший интерес. Он поинтересовался у Брэдли, как идут дела с обеспечением помощи со стороны американско-британской авиации на Кавказе. Брэдли имел об этом весьма смутное представление и поэтому предложил переадресовать вопрос Военному департаменту. Сталин заметил, что эти разговоры идут уже с августа; «одни разговоры и никаких действий».

Невзирая на недовольство Сталина и волнение со стороны Рузвельта, Черчилль твердо придерживался того мнения, что возможность выполнения поставленной задачи зависит от степени риска, способа выполнения и возможности получения определенных выгод. Именно поэтому 7 октября он объяснил президенту, что не видит никакой возможности для отправки «PQ» ни в качестве большого конвоя, ни в виде отдельных групп и что, несмотря на серьезную опасность, подготовил для индивидуальной отправки в октябре десять торговых судов. Далее он продолжил: «Уверен, что Сталину больше понравится грубая правда... Теперь я знаю, что ему следует сказать».

Черчилль объяснил, что, пока немецкие самолеты могут летать между Россией и Египтом и угрожать операции «Торч», до окончательной победы никакие самолеты из Египта отправлены не будут. С большей уверенностью, чем по возвращении из Вашингтона, Черчилль заявил, что «если исходя из этого мы предложим „Вельвет“ (операция ВВС на Кавказе) плюс увеличенный объем поставок самолетов и отдельные суда на маршруте „PQ“, то я уверен, что этого будет достаточно для того, чтобы „навести мосты“ еще до начала операции „Торч“».

Ответ, отправленный Черчиллем Сталину 9 октября, покоился на этой уверенности. Премьер-министр подробно остановился на ожидаемом результате от нового наступления Британии в Египте, которое должно было начаться в октябре, и на операции «Торч», начало которой планировалось в ноябре. Кроме того, он заявил, что:

1. Они с президентом издали распоряжение о создании воздушной армии для войны на Кавказе, которая будет готова принять участие в боевых действиях в начале 1943 года.

2. Великобритания и Соединенные Штаты отправят в Персидский залив истребительную авиацию.

3. Но, увы, большие конвои по северному пути следует приостановить, поскольку морские эскорты должны быть использованы в операции «Торч», однако в течение этого трудного периода будут ходить отдельные суда.

Вместе с одним из своих советников президент направил Сталину и послание Черчилля, в котором премьер-министр подтверждал ранее высказанные планы и намерения. Через несколько дней, 12 октября, получив от Стэндли подтвержденный Сталиным перечень приоритетных потребностей, в ответном послании Черчилль дал вполне реальные и более точные обещания.

Ответы Сталина на послания Черчилля и Рузвельта были весьма лаконичны. Черчиллю он просто написал: «Получил ваше письмо от 9 октября. Спасибо».

Точно такое же письмо Литвинов, советский посол в Вашингтоне, передал Гопкинсу для Рузвельта.

Теперь уже Черчилль расстроился из-за несправедливых подозрений Москвы и полного нежелания оценить военные усилия Британии и Америки. Не слушая больше ни о каких проектах, предлагаемых Сталиным, 24 октября Черчилль сообщил Рузвельту, что послание из Москвы привело его в состояние крайней растерянности и он просто ничего не понимает. В ответном послании от 27 октября Рузвельт невозмутимо повторил: «Я не слишком взволнован полученными ответами, или их отсутствием, из Москвы... Я абсолютно уверен, что русские выдержат зиму, а мы должны в соответствии с нашими планами обеспечивать им поставки и направить авиацию для участия в боевых действиях. Мне бы хотелось, чтобы мы могли сказать Сталину, что выполняем взятые обязательства на сто процентов».

После этих слов Рузвельта Черчилль явно взбодрился и в этот же день написал Идену записку следующего содержания: «Уверен, что будет огромной ошибкой бегать за русскими в их теперешнем настроении и еще большей ошибкой гоняться с ними за химерой... Я уверяю вас, единственное, что следует делать, так это сражаться и выигрывать... Вы увидите, что в случае победного завершения наших усилий мы окажемся в совершенно ином положении. Между тем, общаясь с русскими, я обязан держать себя в руках, не реагировать на их ложь, упорно продолжая преследовать наши

цели».

В этой связи северные конвои были приостановлены и все усилия были брошены на операцию «Торч»; формирование воздушных сил для Кавказа осталось незавершенным. Однако в эти осенние недели было изготовлено большое количество самолетов, танков и другой техники, жизненно необходимой русским. Особые усилия были направлены на то, чтобы переправить их в Россию. Часть поставок отправилась через Тихий океан; часть – с помощью конвоев по северному пути; остальные грузы – по южному маршруту, через Иран.

Давайте немного остановимся на последнем сюжете, прежде чем двинемся дальше.

Трансиранская железная дорога шла от портов Персидского залива по горам и пустыням до Тегерана, далее к Каспийскому морю и до советской границы. Союзнические армии в Иране и Ираке весьма рассчитывали на нее, но это вовсе не означало, что Британия собиралась экономить на строительстве портов, необходимых железных дорог, дорожно-строительного оборудования, железнодорожных составов или платформ. Еще до вступления в войну, в 1941 году, американское правительство пыталось оказать помощь в расширении пропускной способности этого пути. Американские инженеры, строители, проектировщики делали все возможное для осуществления программы по ленд-лизу и, надо сказать, сделали очень много полезного.

В июле 1942 года несколько событий, о которых уже упоминалось на этих страницах, дали необходимый толчок для улучшения состояния этой дороги: отступление британской армии в Ливии; наступление немецкой армии на юге России; приостановка северных конвоев на летний период. 16 июля, сообщая Черчиллю, что обстоятельства, к сожалению, вынуждают его согласиться с приостановкой конвоев, Рузвельт в этом же послании сообщил о необходимости увеличения пропускной способности трансиранской железной дороги и предложил Черчиллю американских специалистов в этой области. Между делом он заметил: «Это первоклассные специалисты».

Гарриман изо всех сил старался обеспечить необходимые поставки для Советского Союза. Путь через Иран казался ему наиболее привлекательным с этой точки зрения, и, кроме того, как специалист по железным дорогам, он был уверен в том, что трансиранскую железную дорогу можно усовершенствовать.

Перед августовской поездкой с Черчиллем в Москву Гарриман сделал остановку в Иране и обсудил с американскими специалистами технические вопросы. Он договорился о встрече Черчилля с американскими инженерами и их британскими коллегами, чтобы премьер-министр мог лично выслушать мнение специалистов о реальности предложенного плана. Правда, Черчилль и так был убежден в этом. В ходе августовских переговоров в Москве премьер-министр объявил Сталину, что программа усовершенствования южного пути находится в стадии изучения. Но ему пришлось отложить утверждение этой программы из-за оппозиции в лице британских командующих театрами военных действий, которые хотели быть уверены в том, что если американцы возьмут в свои руки управление трансиранской железной дорогой, то все потребности британской армии в этом регионе будут удовлетворены полностью.

После визита в Москву Гарриман побывал в Иране с еще одной инспекционной поездкой. Когда в Каире он вновь встретился с Черчиллем, то с еще большей уверенностью объяснил ему ситуацию с южным направлением. Предварительно проконсультировавшись с президентом, Гарриман добился согласия Черчилля, выдвинув предложение, согласно которому за британскими представителями сохранялось право составлять график движения железной дороги, обеспечивая, таким образом, решение вопросов собственных потребностей. Черчилль согласился предложить Рузвельту взяться за эту работу. Наконец-то премьер-министр разделил влияние в регионе, в котором на протяжении многих десятилетий единолично властвовала Англия.

Президент одобрил такое решение. Военный департамент согласился руководить этим рискованным предприятием, возложив непосредственное руководство на генерала

Дональда Г. Коннолли, армейского инженера. Изготовленные для американских железных дорог дизельные двигатели были реквизированы. Несмотря на необходимость завершения операции «Торч», полным ходом шла отгрузка и транспортировка строительных материалов и железнодорожных деталей и узлов. Советские лидеры весьма вяло отметили непосредственные результаты, хотя, несомненно, заметили сильно увеличившийся в течение осени объем поставок.

Явный прогресс наметился в ноябре. К тому времени, вернувшись на основную сцену, союзники уже принялись накапливать силы для решительной атаки.

В ноябре полный и безоговорочный успех стал наградой за усилия, приложенные всеми членами коалиции. Британская армия под командованием Александра одержала первую значительную победу в пустыне, вытеснив Роммеля из Аламейна. Немецкая армия была остановлена на Восточном фронте и проиграла битву под Сталинградом. Подготовка к операции «Торч» шла полным ходом.

Прежде чем приступить непосредственно к самой операции, следовало разрешить спорные вопросы между американцами и англичанами относительно способа проведения операции «Торч». Существовало три взаимосвязанных вопроса. Сколько требуется десанта? Где? Какими силами?

После Гибралтара американцы опасались проводить рискованные крупномасштабные операции в Средиземноморье. Они боялись, что окажутся отрезанными или испанцами, или немцами, прорвавшимися через Испанию. Но Черчилль и его военные советники полагали, что призрак этой опасности не должен оказывать влияния на американцев. Англичане были убеждены, что операция будет иметь смысл только в том случае, если удастся достигнуть Алжира, по словам Черчилля, «самого незащищенного и наиболее выгодного места». Кроме того, Черчилль напомнил Рузвельту, что «поддержан Гарриманом с вашего полного одобрения» и уже сообщил Сталину, что «Торч» будет крупномасштабной операцией и благополучно достигнет Средиземноморья. Одобренный план кампании был компромиссом между американской растерянностью (которую, кажется, разделил Сталин во время визита Черчилля в Москву) и британской уверенностью. Один десант должен был высадиться на Атлантическом побережье Африки, в Касабланке; два других в Средиземноморье, причем один западнее Алжира.

Другое разногласие казалось вообще чем-то нереальным. Американское правительство поддерживало дипломатические отношения с режимом Виши. Ни британское, ни советское правительства не поддерживали отношений с этим режимом. Американцы предприняли тщательно продуманную секретную попытку получить помощь в высадке десанта у верхушки французского командования, удерживающего позиции в Северной Африке. Вследствие этого и с учетом традиций франко-американской взаимопомощи во имя свободы и независимости Рузвельт был полностью уверен, что вся Французская Северная Африка, за исключением яростных сторонников Виши, радушно встретит американцев, чего нельзя сказать о британцах. Поэтому Рузвельт считал, что первая атака должна быть предпринята исключительно американской сухопутной армией при поддержке частями британского флота и авиации. Британцы, по мнению Рузвельта, должны будут высадиться много западнее и начать наступление после получения согласия с французской стороны. Черчилль заявил, что не будет противиться этому плану, если президент так уж настаивает на нем. И тут же привел контраргументы, после которых было решено, что высадка должна произойти одновременно; но американская армия идет в авангарде. Местные французские защитники одинаково отнеслись и к тем и к другим будущим освободителям. Перед тем как принять решение, был тщательно проработан военный план с целью выявления возможности быстрого захвата всего африканского побережья. Выполнение этой главной цели, намеченной на 13 августа и изложенной в директиве Объединенного штаба, возлагалось на генерала Эйзенхауэра, назначенного верховным главнокомандующим союзнических объединенных сил. Его первыми словами были: «Президент и премьер-министр сошлись во мнении, что, как только появится

реальная возможность, в Африке начнутся объединенные общевойсковые операции с целью захвата территории, и, во взаимодействии с союзническими силами на Ближнем Востоке, мы захватим всю территорию Северной Африки, от Атлантики до Красного моря».

Атака началась с востока. 23 октября британцы начали наступление на итальянские и немецкие оборонительные рубежи, и в течение десяти дней противники, не успевшие отступить, оказались в лагерях для военнопленных. По мнению Черчилля, победа в битве под Эль-Аламейном предопределила дальнейший ход войны. Он писал: «До Аламейна мы никогда не побеждали. После Аламейна мы ни разу не потерпели поражения».

Через несколько дней, 8 ноября, с запада подошли десантные корабли, до отказа забитые солдатами, прибывшими из Соединенных Штатов, и, пробившись через прибой, высадились на незнакомом побережье у Касабланки, Орана и Алжира. К огромному облегчению Эйзенхауэра, ожидающего приказа в Гибралтаре, высадка десанта прошла без испанского и немецкого вмешательства. правда, не в заранее намеченных местах и неорганизованно. Это была достаточно рискованная операция.

Опасения и страхи Соединенных Штатов относительно операции «Торч» оказались в основном безосновательны. Американцы боялись испанского вмешательства, но были уверены в том, что сделанные секретными агентами приготовления смогут полностью сломить французское сопротивление; заблуждались относительно того, что Франция по-разному отнесется к американским и британским силам, но были уверены, что француз, которого они поставили во главе французской армии в Северной Африке, генерал Жиро, сможет оказать влияние на местные военные власти. Все эти ошибочные суждения были неизмеримо меньше заблуждений Германии, которая не смогла осознать того, что должно было произойти.

По настоянию советников и для быстрого подавления сопротивления французов Эйзенхауэр, как верховный главнокомандующий, взял на себя ответственность и заключил сделку с адмиралом Дарланом, бывшим вице-премьером, министром иностранных дел и министром внутренних дел в правительстве Виши. Народы Британии и Америки были удивлены и встревожены подобным решением, но Рузвельт и Черчилль считали, что оно оправдано с точки зрения снятия напряжения и решения военных задач.

Война нарушила собственный ход, приняв на себя позорные условия.

Вмешательство Дарлана быстро сломало французское сопротивление и тем самым сохранило много жизней. Завоевание Французского Марокко прошло без осложнений; Западная Африка с Дакаром были захвачены без боя. Это облегчило задачу; местные власти занятых областей не представляли никакой опасности для экспедиционной армии. Благодаря соглашению с одной из вражеских сторон открывались огромные возможности. Американцы надеялись, что сухопутные силы стремительно ворвутся в Тунис для соединения с британской армией, движущейся с востока. Но эти расчеты не оправдались. Через две недели после высадки генерал Маршалл сообщил президенту, что через две-три недели, если государства Оси не предпримут каких-либо неожиданных действий, Тунис окажется в руках американцев. Но Гитлер направил в Тунис свежее подкрепление, и война затянулась на месяцы.

Никто не мог предсказать, во что выльется это соглашение с Дарланом. Но исходя из собственных впечатлений и современного восприятия этого события замечу что подобное соглашение сильно подорвало веру в принципы, ради которых мы боролись. Однако позже воспоминание об этом неприятном моменте, возможно, удержало от вероятных подобных военных сделок.

Через несколько дней после заключения соглашения с Дарланом советская пресса распространила сообщения, полученные советскими журналистами, работающими за рубежом, о том, какой критике было подвергнуто это соглашение в разных странах. Сталин тут же дал знать британцам, что у него вызывает подозрение затянувшийся визит Гесса в Шотландию и молчание, последовавшее за его интернированием. Сталин не

исключал возможности проведения неких секретных переговоров с Германией. Молотов, в свою очередь, заявил американскому и британскому послам в Москве, что происходящее в Северной Африке вызывает у него беспокойство; соглашения с Дарланом привели его и других советских лидеров в замешательство. Правительства Америки и Англии пытались убедить советское правительство, что поводов для беспокойства нет; если это обусловлено военной необходимостью, то прямой смысл использовать тех, кто служит Виши или изъявляет желание служить Гитлеру. 18 ноября президент выступил с официальным заявлением, что сделка с Дарланом была всего лишь временной мерой, вызванной обстоятельствами, и Америка аннулирует соглашение с правительством Виши. Это сразу же произвело впечатление. 20 ноября Молотов попросил Лоя Хендерсона передать в Вашингтон, что понял смысл этой сделки и, кроме того, советское правительство весьма заинтересовано во Французской Африке и надеется, что американское правительство не будет назначать там администрацию без предварительного согласования.

Сталин же однозначно дал понять, что глупо ради принципов лишать союзников возможности добиться преимущества в войне. 13 декабря в письме Рузвельту, где Сталин объяснял, что не имеет возможности встретиться с ним и премьер-министром в Касабланке (об этом будет подробно рассказано немного ниже), он писал: «Что касается слухов относительно позиции СССР в отношении использования Дарлана или людей, подобных ему, то излишне говорить, что, по моему мнению, совпадающему с мнением моих коллег, стратегия Эйзенхауэра в отношении Дарлана, Бойсона, Жиро и других абсолютно правильная. То, что вам удалось вовлечь Дарлана и прочих в орбиту союзников, сражающихся с Гитлером, с моей точки зрения, является огромным достижением с вашей стороны». Сталин прекрасно понимал, что Красная армия тем быстрее получит помощь, чем раньше будет сломлено сопротивление французов в Северной Африке, и соглашение с Дарланом способствовало этому как нельзя лучше.

24 декабря Дарлан был убит, но те, кто сотрудничал с правительством Виши, так и не смогли полностью реабилитироваться. Американское и британское правительства пояснили свои соображения относительно того, что касалось отношений с будущими французскими властями в Северной Африке. Они объяснили Молотову, что не собираются назначать французское правительство в Северной Африке. Они собирались строить свои отношения с генералом Жиро или любыми другими фракциями французского Сопротивления на основе тех обещаний, которые французы предлагали им в борьбе против Гитлера; поддерживать и защищать французскую администрацию и территорию в зависимости от их вклада в войну. Для оказания помощи военным в решении политических вопросов должны были назначаться гражданские лица, действующие в качестве представителей антигитлеровской коалиции и работающие рука об руку с военной властью. Советское правительство не возражало против этого плана.

Однако существовало еще одно французское движение, с которым приходилось считаться. Генерал де Голль и его горячие приверженцы решили, как говорится, ради независимости Франции оттеснить генерала Жиро. Преследуя эту цель, они не всегда руководствовались различиями в суждениях и взглядах трех основных союзников. Да, не так-то просто освобожденной Франции было приспособиться к логике союзников. Дальше мы остановимся на том, как удалось справиться с этой проблемой. А сейчас, в конце 1942 года, коалиция решала, что следует сделать, чтобы обезопасить Северную Африку, когда она окажется за линией фронта.

Что должно последовать за операцией «Торч»? Открытие второго фронта в 1943 году?

В процессе подготовки операции «Торч» разработчики постоянно думали о будущем. Они выбирали, куда следует направить свои усилия после окончания операции.

К тому моменту, когда американцы и британцы объединили усилия для проведения рискованного предприятия, некоторая напряженность, возникшая между ними в июле во время принятия решения относительно операции «Торч», все еще оставалась. В особенности это касалось потерпевших неудачу американцев.

В ходе возобновившихся в сентябре переговоров Комитет начальников штабов США предпринял попытку отстоять свое особое мнение относительно того, что «Торч» не оправдывает требуемых вложений, а напротив – поглотит такое количество жизненно необходимых военных ресурсов, что любая попытка вторжения на континент будет отложена на неопределенное время. С мрачным удовлетворением американцы отметили запоздалое осознание этого факта со стороны Британии. В письме Маршаллу от 21 сентября Эйзенхауэр сообщает, что у него создалось впечатление, будто премьер-министр и, безусловно, его ближайшие советники наконец-то осознали «неизбежные» расходы на «Торч» и удивились, «обнаружив, что „Торч“ фактически не оставляет никаких надежд на проведение операции „Раундап“ в 1943 году».

Трудно сказать, действительно ли этот факт являлся такой уж неожиданностью для Черчилля. Исходя из его записей можно сделать вывод, что он прекрасно понимал, чем все это кончится. В мемуарах он пишет: «Я никогда не заставлял соглашаться с этим мнением. Я просто надеялся, что в течение нескольких месяцев после боев Французская Северная Африка может оказаться в наших руках. В этом случае вторжение во Францию из Англии станет возможным в июле-августе 1943 года». Таким образом, Черчилль продолжал настаивать на том, что, несмотря на проведение «Торч» и других утвержденных операций, Великобритания и Соединенные Штаты смогут отыскать необходимые средства для вторжения на континент в 1943 году. Далее, отмечая явную тенденцию со стороны Америки отказаться от вторжения в 1943 году, Черчилль пишет: «Для Сталина это будет страшным ударом. Тем более, что Майский уже интересовался весенним наступлением».

Черчиллю трудно было решить, как следует поступить, чтобы достигнуть наилучшего результата.

Судя по дневниковым записям фельдмаршала Алана Брука, на протяжении всей осени 1942 года позиция Черчилля менялась несколько раз. В записи от 3 декабря 1942 года говорится следующее: «До сих пор я был уверен, что Уинстон и три начальника штаба, включая меня, придерживаются одной точки зрения, но Черчилль неожиданно изменил позицию и настаивает на создании Западного фронта в 1943 году. На дневном заседании... он заявил: „Вы не должны думать, что можете вылезать со своей „Сардинией“ в 1943 году, потому что мы должны открыть Западный фронт, и, что самое важное, мы пообещали Сталину сделать это, когда были в Москве“. На это я возразил: „Нет, мы не обещали“».

Время в сентябре – начале октября явилось периодом тяжелейших испытаний для Сталинграда, что, естественно, оказалось не самым лучшим моментом для объявления Сталину о том, что вопрос о вторжении через Канал в 1943 году снят с повестки дня. Майский и Литвинов не скрывали, что город обречен; немцы захватят Кавказ и двинутся на Урал, оставив Москву в осадном положении, как это год назад было проделано с Ленинградом. Средства массовой информации по-прежнему выражали тревогу относительно создания второго фронта. Советское правительство убеждало народ, что делает все возможное, чтобы получить необходимую помощь; это помогало легче переносить выпавшие на долю народа страдания и напомидало союзникам, что Россия ожидает от них обещанной помощи.

На первой полосе «Правды» от 6 октября была помещена карикатура, подпись под которой гласила: «Совещание военных специалистов по вопросу открытия второго фронта». Карикатура изображала двух крепких молодых красноармейцев, которые олицетворяли собой «Твердость» и «Мужество». Они указывали на группу толстых, престарелых офицеров, расположившихся за столом, на каждом из которых были весьма

остроумные надписи: «Они хотят нас победить», «Какова цена риска?», «Нет необходимости спешить», «Давайте подождем» и «Вдруг что-то пойдет неправильно». За спинами совещающихся висел календарь с отмеченной датой «Октябрь 1942 года» и часы, остановившиеся на 11.30.

Несмотря на то что в ноябре ситуация кардинально изменилась, удалось отстоять Сталинград и Кавказ, советское правительство продолжало настаивать на своем. Две цитаты из доклада Сталина, посвященного двадцать пятой годовщине со дня образования Народного комиссариата обороны, дают полное представление, какие мысли Сталин продолжал внушать народу.

«Как же мы объясняем тот факт, что немцам все-таки удалось перехватить инициативу в военных операциях в этом году и добиться серьезных тактических успехов на нашем фронте? А это объясняется тем, что немцы и их союзники умудрились собрать все имеющиеся в наличии ресурсы, переправить их на Восточный фронт и получить огромное преимущество в одном из направлений... Но почему же они смогли собрать все ресурсы и переправить их на Восточный фронт? А потому, что отсутствие второго фронта в Европе предоставило им подобную возможность без какого-либо риска».

Сталин заверял советских людей в прочности военной коалиции и в том, что она гарантирует окончательную победу.

«Смешно отрицать существование различных идеологий и социальных систем в странах, входящих в англо-советско-американскую коалицию. Но послужат ли они препятствием со стороны членов коалиции в борьбе против общего врага?.. Безусловно, нет. Более того. Само существование этой угрозы настоятельно диктует необходимость совместных действий всех членов коалиции... Разве в основе программы действий англо-советско-американской коалиции не заложена совместная борьба с гитлеровской тиранией?.. Уверен, что так и есть... Отсюда напрашивается единственный вывод: у англо-советско-американской коалиции есть все шансы, чтобы одержать победу над итало-германским альянсом, что, конечно, и будет сделано».

Постоянное давление со стороны России в отношении второго фронта являлось камнем преткновения в спорах между американской и британской сторонами вплоть до 8 ноября, начала операции «Торч». Второе противоречие заключалось в том, что Комитет начальников штабов США настаивал на том, что если не будет возможности осуществить вторжение в 1943 году, то следует все ресурсы направить на тихоокеанский театр военных действий. А третье заключалось в огромном желании Черчилля развернуть на пару с Рузвельтом наступление в Средиземном море, двигаясь от берегов Северной Африки.

Но стоило экспедиции высадиться, как Черчилль тут же уступил своему необузданному желанию скитаться по морям, в расчете получить преимущества, которые бы позволили если не контролировать, то по крайней мере спокойно заниматься морскими перевозками на Сицилию и Сардинию, в Италию и Францию, Грецию и Турцию. Куда еще?

Как свидетельствует документ, отправленный Черчиллем 9 ноября в адрес британского штаба, у него были прямо-таки «наполеоновские» планы. Сначала захватить Сицилию и Сардинию, а затем, непрерывно тесня врага в Северной Франции и Нидерландах, оккупировать территорию для «нанесения окончательного удара по Италии или, еще лучше, по Южной Франции, одновременно с операциями, не требующими серьезных затрат, в Турции и, вместе с русскими, на Балканах».

Ознакомившись с первыми сводками из Северной Африки, Рузвельт поддержал предложение Черчилля. В письме от 12 ноября президент сообщает Черчиллю, что доволен тем, как идут дела в Северной Африке, и замечает: «Следует предпринять

дополнительные действия по очистке южного берега Средиземного моря и взять его под свой контроль. Думаю, что вы в Лондоне с вашим штабом и я со своим Объединенным штабом здесь в состоянии оценить свои возможности относительно наступления на Сардинию, Сицилию, Италию, Грецию и остальную территорию Балкан, и, кроме того, вероятность получения поддержки со стороны Турции для нападения с Черного моря на немецкий фланг».

Кто поддержал президента в этом вопросе? Уж конечно не военный кабинет. А вот Черчилль поддержал. Он был склонен придерживаться этой «дополнительной» стратегии. Вероятно, пытаясь устранить трудности перед предстоящей встречей с Рузвельтом, проходившей в январе в Касабланке, Черчилль стремился создать впечатление, что скорее военачальники навязывали ему свои взгляды, а не он им.

Сталин выразил явное восхищение союзнической кампанией в Африке. Вот что он ответил на вопросы, заданные московским представителем Ассошиэйтед Пресс Генри Кэсседи 13 ноября: «Африканская кампания в очередной раз опровергла заявления скептиков, утверждавших, что англо-американские лидеры не смогут организовать серьезную военную кампанию. Никому до них не удавалось провести такую серьезную операцию, как осуществление успешной высадки в Северной Африке, быстрый захват портов и обширных территорий и мастерски проведенный разгром итало-немецкой армии».

Сталин рассматривал эту операцию как прелюдию перед решающими операциями Запада, а не в качестве возможной альтернативы. Несмотря на прекрасную дипломатическую атмосферу, Сталин не упускал шанса, чтобы не задать вопрос американцам и британцам: когда мы можем рассчитывать на десант через Ла-Манш, приводящий к раздроблению немецкой армии?

Давайте немного забежим вперед и ненадолго остановимся на операции «Вельвет» (американо-британская воздушная операция на Кавказском фронте), которая в этот момент находилась уже на последнем издыхании. Впервые операция была предложена в июле-августе, и Сталин решил, что армия уже настолько готова, что быстро справится с врагом и удержит кавказскую линию фронта. Но британские части, как уже было сказано, задержались до тех пор, пока не решился исход битвы за Египет, поэтому пришлось ждать прибытия американских частей. Когда же они наконец-то собрались вместе, самый тяжелый период на Кавказе уже был пройден. Выяснив, сколько места потребуется этим иностранным эскадрильям и сколько будет затрачено ресурсов для их доставки по южному маршруту, русские решили, что эта помощь не окупит их затрат ни по части собственных ресурсов, ни по части потраченных усилий...

Весной 1943 года, когда определилась ситуация с Тунисом, британское правительство вновь предложило своих летчиков. Но Сталин предложение отклонил. Черчилль поинтересовался у Майского причиной отказа, и Майский пояснил, что советский главнокомандующий полагает, что для содержания таких эскадрилий по обычным американским и британским меркам потребуется около двадцати пяти тысяч человек, и вряд ли это будет оправдано.

Таким образом, когда в декабре Рузвельт вернулся к этому вопросу, Сталин сказал фактически следующее: большое спасибо, но мы уже не нуждаемся в ваших летчиках на Западном фронте; мы гораздо больше хотели бы получить самолеты, а кому пилотировать – у нас найдется. Вот что нам действительно нужно от вас, так это боевые действия на западе, которые оттянут на себя хотя бы сорок немецких дивизий.

Получив отказ, американские и британские начальники штабов принялись внимательно изучать ситуацию, чтобы решить, что делать дальше. В декабре борьба в Северной Африке приняла неутешительный поворот; наступление на западе постепенно сбавляло ход и наконец совсем остановилось.

Перед самой встречей в Касабланке, 3 января, британские начальники штабов в который уже раз обозначили важнейшие причины, факторы успешности операции по

вторжению через Ла-Манш. Британцы уверяли, что, если американцам первым удастся вывести Италию из войны, а немцы попытаются сохранить нынешнюю линию фронта в России, то Германии там потребуется примерно пятьдесят четыре дивизии и две тысячи двести самолетов, не считая остальных фронтов. В качестве следующего шага британцы рассматривали вторжение на Сардинию или Сицилию. Они считали, что, пока продолжается наступление в Средиземноморье, американцы могут создать мощную воздушную армию, базирующуюся в Англии, и сумеют посылать сухопутные дивизии, с тем чтобы к концу 1943 года можно было бы предпринять попытку вторжения через Ла-Манш. Британцы представляли себе усеченный вариант операции, при котором требовалось минимальное количество ресурсов и существовала вероятность, что к этому моменту немцы будут сильно измотаны. Они полагали, что это реально выполнимая программа, конечно, в том случае, если Комитет начальников штабов Соединенных Штатов не будет настаивать на одновременном ведении военных действий на Дальнем Востоке и быстром продвижении вперед в глубь континента.

Черчилль принял это сообщение к сведению; он по-прежнему опасался, чтобы ни у кого не создалось впечатления, будто он отказывается от проекта, связанного с вторжением на континент в 1943 году.

Мнения членов Комитета начальников штабов Соединенных Штатов по этому вопросу разделились. Военные историки смогут гораздо полнее, чем я на страницах этой книги, рассказать о времени после операции «Торч», о сомнениях, которые одолевали разработчиков операции; о различиях во взглядах четырех решительных, волевых мужчин – Маршалла, Кинга, Арнольда и Лича; о компромиссах и смене решений. Большая часть исследований, относящихся к этой сфере вопросов, написана в несколько пессимистичном тоне, особенно в отношении скорости, с которой могли быть собраны ресурсы, необходимые для осуществления крупномасштабной операции по вторжению через Ла-Манш, если следом за ней предполагалось проводить кампанию в Средиземноморье. Все предложения относительно меньшего по масштабам вторжения были отклонены, как неэкономичные и бесполезные. Некоторые, это особенно относилось к ВМС, настаивали на крупномасштабном вторжении на Дальний Восток, вне зависимости от того, что будет происходить в остальных местах.

Адмирал Кинг и генерал Арнольд считали, что в Средиземноморье можно было бы добиться быстрых результатов. В этом случае американские ВВС получали выигрыш во времени и могли создать эскадрильи бомбардировщиков для ведения боевых действий против Германии. Но генерал Маршалл упорно придерживался мнения, что все силы должны быть посвящены единственной цели – подготовке и проведению в 1943 году операции через Ла-Манш. Он считал, что эта операция окажется гораздо более эффективной, чем наступление на Сицилию или Сардинию, потребует меньше затрат, доставит огромное удовлетворение русским и отвлечет на себя гораздо большее количество немецких самолетов. Но Комитет начальников штабов не принял это предложение в качестве окончательного решения. Когда 7 января президент поинтересовался, сошлись ли они во мнениях относительно того, что на встрече в Касабланке будут «единым фронтом выступать в защиту операции по вторжению через Ла-Манш», Маршалл сообщил, «что по этому вопросу нет единого мнения, особенно среди разработчиков операций».

Президент, казалось, был готов следовать любым курсом.

Рузвельт, Черчилль и начальники их штабов собирались встретиться в Касабланке с целью выработки единой стратегии. Эта встреча задумывалась уже давно, но усилия, предпринимаемые для того, чтобы условиться о встрече, временами были сродни усилиям, затраченным при обсуждении стратегических планов. Здесь я расскажу только об основных моментах трехсторонней переписки, весьма затянутой и довольно беспорядочной.

21 ноября, когда высадка в Северной Африке была уже завершена, Рузвельт

направил Сталину сообщение о том, что они с Черчиллем выбирают время для встречи с ним (Сталиным) и советским военным штабом. Президент объяснил, что такая конференция кажется им наиболее разумной, прежде чем они предпримут следующие шаги в Средиземноморье, которые, безусловно, отразятся на военной ситуации в России и на планах Сталина в отношении зимней кампании. Еще до того, как Рузвельт получил ответ от Сталина, 24 ноября Черчилль еще раз напомнил о своем предложении встретиться с американцами, не дожидаясь русских. Настойчивость Черчилля была легко объяснима; он знал, что в тот момент в Комитете начальников штабов Соединенных Штатов существует еще одно мнение – направить усилия на тихоокеанский театр военных действий. Но Рузвельт настаивал на участии русских в конференции по выработке стратегических решений, о чем и сообщил Черчиллю в послании от 26 ноября. Президент полагал, что конференцию следует провести сразу же после того, как немцы будут выдворены из Туниса; предполагалось, что эта операция займет от четырех до шести недель. «Я уверен, – замечает Рузвельт, – что мы сядем за стол переговоров вместе с русскими».

В тот же день Черчилль отправил ответ Рузвельту. В принципе он соглашался на участие русских в конференции, но полагал, что она должна состояться только после того, как американцы и британцы обговорят собственные проблемы и придут к единому мнению. Одна из причин такого подхода заключалась в следующем: русские будут требовать мощного наступления на континент в 1943 году с запада или с юга или с обеих сторон одновременно, и с точки зрения эффективности этим следует заняться Рузвельту и Черчиллю с помощью их военных советников.

В своих ответах Рузвельту и Черчиллю от 27 ноября Сталин не ухватился за предложенную возможность личной встречи. Вместо этого он предложил устроить конференцию представителей трех военных штабов, решения которой позже обсудить с помощью переписки. Предложение Сталина сильно озадачило президента, но он ответил решительным отказом. Рузвельт все еще надеялся, что при встрече с ним и Черчиллем Сталин увидит, как он (президент) старается соблюдать интересы Советского Союза. В связи с этим 2 декабря Рузвельт отправил Сталину еще одно приглашение, подчеркнув, что «причина моей настойчивости заключается в том, что мне необходимо поговорить с вами. Я предлагаю тайно встретиться в надежном месте в Африке, которое устроит всех троих. Ориентировочно с 15 по 20 января». Но при этом он опасался нежелательных последствий, если в конференции, которую он рассматривал как встречу трех держав, примут участие только американцы и англичане. На следующий день Рузвельт сообщает Черчиллю: «Я задаюсь вопросом о целесообразности поездки в Лондон Маршалла с коллегами до начала конференции, поскольку не хочу, чтобы у Сталина создалось впечатление, что мы до встречи с ним уже все обсудили между собой».

Черчилль, мгновенно перестроившись, занял ту же позицию в отношении Сталина, что и Рузвельт. «Я искренне надеюсь, что вы согласитесь. Нам надо выбрать наилучший момент для мощного нападения на Германию в Европе в 1943 году».

Сталина не удалось убедить приехать на встречу. На оба предложения он ответил, что одобряет идею встречи, определяющую главную линию военной стратегии, и продолжил, что, «однако, к моему огромному сожалению, я не имею возможности покинуть Советский Союз. Ситуация такова, что я даже на один день не могу позволить себе этого...». Кроме того, Черчиллю он написал: «Я ожидаю вашего ответа на прошлое письмо относительно создания второго фронта в Западной Европе весной 1943 года».

В этом же письме он сообщает о последних событиях в ходе битвы под Сталинградом и добавляет, что надеется здесь уничтожить немецкую армию. Попытка немцев вывести из окружения под Сталинградом 6-ю армию полностью провалилась; вся группа армий «Дон» была отброшена так далеко назад, что уже ничем не могла помочь окруженной группировке войск. Даже Гитлер был вынужден согласиться с отступлением немецкой армии на Кавказе.

Президент настоял на присутствии советских представителей, раз уж не удалось уговорить Сталина. Раздраженный постоянными разногласиями между американскими и британскими начальниками штабов, на принятие решения Рузвельт оставил немного времени. Он согласился с тем, что они с Черчиллем должны присутствовать на конференции, даже в отсутствие Сталина. Было бы лучше, считал Рузвельт, если бы Дядя Джо согласился на встречу, предположим, 1 марта, а после этого где-нибудь в Африке могла бы произойти встреча представителей военных штабов трех держав для проведения предварительных переговоров. По сути, Рузвельт уже интересовался у Сталина, не мог бы тот оценить возможность и назначить дату будущей встречи в Северной Африке где-нибудь в начале марта. Сталин вновь повторил, что нынешняя военная обстановка не позволяет ему покинуть Советский Союз ни сейчас, ни в начале марта, и дал понять, что вообще не понимает, о чем может идти речь: британцы и американцы должны выполнить данное ими обещание и открыть весной второй фронт в Европе.

После третьего отказа вопрос был решен и мгновенно улажены все формальности относительно американско-британской встречи. Благодаря отсутствию Сталина удалось избежать серьезных споров. Сомнительно, что Сталин согласился бы на меньшее, чем безоговорочное обещание высадки через Канал в 1943 году, но еще более сомнительно, что Черчилль дал бы такое обещание. Американцы были бы вынуждены прекратить наступление в Тихом океане. Казалось, что Рузвельта не волнует подобная перспектива, хотя перед конференцией в Касабланке он предлагал Сталину в самое ближайшее время направить в Москву генерала Маршалла, чтобы принять необходимые меры, исключая возможное недовольство Сталина относительно решений, принятых в его отсутствие.

Удалось бы им быстрее прийти к соглашению относительно того, что следует сделать в первую очередь, и каковы были результаты четырехмесячной работы их военных штабов? Какой план вторжения более удачно согласовывался с операциями в Средиземноморье и с будущими действиями на Дальнем Востоке?

Все эти проблемы рассматривались исключительно с точки зрения затрат, предполагаемого риска и возможных преимуществ. Из опубликованных воспоминаний Черчилля становится ясно, насколько активно премьер-министр был занят политическими вопросами, которые будут появляться по мере продвижения американской, британской и русской армий. Поэтому он счел необходимым присутствие министра иностранных дел Идена в Касабланке. Но преградой для осуществления этого намерения явился сам президент. Вся переписка Рузвельта относительно предполагаемой встречи должна была проходить через Белый дом. Президент не проводил консультаций с Хэллом или с Государственным департаментом по вопросам, которые должны были рассматриваться в Касабланке. Он не собирался брать с собой на эту встречу государственного секретаря или какого-нибудь представителя Государственного департамента. Рузвельт планировал, что решением всех вопросов, лежащих вне военной сферы, займется Гопкинс, и попросил Черчилля отправить Идена домой. Несмотря на то что это шло вразрез с его желаниями, премьер-министр согласился с решением президента.

Неизвестны причины, по которым президент исключил государственного секретаря из состава участников конференции. Об этом можно только догадываться. Возможно, по той причине, что основной целью конференции являлось решение военных вопросов. Может, президент сомневался в способности Государственного департамента сохранить все в тайне. Возможно, Рузвельт рассчитывал встретиться с де Голлем и в связи с этим опасался резких выходов со стороны Хэлла. И наконец, президент прекрасно осознавал, что они с Хэллом не являются единомышленниками.

Но независимо от причины каждый может задаться вопросом, что бы произошло, если бы на конференции присутствовали Идеи и Хэлл, не было бы больше внимания уделено политическим проблемам, появившимся в 1943 году, особенно возникшим в процессе нападения на Италию. Кроме того, повлияло бы их присутствие на важное

заявление относительно безоговорочной капитуляции. предложенной на конференции в Касабланке?